

СМЕНА

Иванова

4

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЧАСТЬЕ СОЛДАТА

Я стою на посту. Воздух утренний свеж.
Над водою туман облаками клубится.
Тут лежит не простой пограничный рубеж —
Двух миров пролегал граница.
Мчатся резкие ветры с чужой стороны,
Огибая просторы планеты...
Дальний берег урюм.
Дальний берег в тени.
А над нашими — прозрачная дымка рассвета...
Коммунизма Отчизна!
Всю вижу тебя,
Всю, от здания ЦК до колхозного дома,
Все заводы, что утром гудками трубят,
И Алтай, и огни Волго-Дона,
Гидростанций твоих торжествующий свет,
Уходящие в небо стропила...
Пусть просторам твоим
На земле равных нет,—
Вся ты в сердце моем уместилась.
И ничто разлучит нас не может с тобой,
Даже смерть от лихого металла.
Спит я каждой кровинкой с твоею судьбой,
Каждой мышью малой.
Вновь фашисты Отчизне войною грозят,
Но с врагов не спускаю я взгляда...
Разве можно
От сердца тебя оторвать,
От сынового сердца солдата!!
Дальний берег урюм, дальний берег в тени,
А над нашим — прозрачная дымка рассвета...
Охранять на посту коммунизма огни —
Есть ли счастье прекрасней и выше,
Чем это!!

Иван ПУЩИН

На первой странице обложки: «Суворова». Фото Я. Халила.
На четвертой странице обложки: «Лыжная прогулка». Фото М. Гречева.

По глубоким снегам, преодолевая препятствия, мчится грозный танк... В наступлении и обороне солдат должны уметь быстро ослепать: еще минута — и пехотинец пригнётся в небольшом огоро... Орудийный расчёт ищет огневую позицию...
 Так пролежит боевая будня Советской Армии — верной защитницы наших рубежей. Там растут и совершенствуются боевое мастерство и воля наших советских воинов.
 Фото Г. Белинина и К. Марченко.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
 Центрального Комитета ВЛКСМ. Февраль. № 4. 1955 год.

Год
 издания
 32-й.

Подвиг Александра Матросова.

С картины художника В. Памфилова.

Николай МАЗАКОВ

БЕССМЕРТИЕ

Тихшина...
К поверке приступает
Старшина под знаменем полка.
Он по списку первым называет
Русского отважного стрелка.
Замирает рота в ожиданьи,
Взгляд —
на знамя славы боевой.
Сохранют строгое молчанье
Старшина,
Сержант
И рядовой.
Сдвинув брови,
как в бою,

сурово

И винтовку крепко сжав своею,
Правою рукою правофланговый
Чувствует
Матросова в строю.

Слышен бой...
Далекие Чернушки
Утопнули в голубых снегах...
До деревьев
От лесной опушки,
Может быть, каких-то

три шага.

Но в тумане
Где-то недалеко
Злобствует фашистский пулемет;

За сугробом,
Как сугроб, высокий
Серым волком притаился дзот.
Разыгралась вьюга на откосах,
Инеем покрылся автомат.
— Ты о чем задумался, Матросов!
Расскажи по-дружески, солдат...
Почему так гулко сердце бьется!
Может, страшно в цепи огневой!
— Нет, не испугаешь комсомольца! —
Сам себе ответил рядовой.
И ему не удержит порыва.
В дзот — гранату...
И к земле прыгнул.
Дрогнула воздух.
Дрогнула лес от взрыва.
Дрогнула дзот фашистский
И... затих.

С возгласом «Ур-ра!»
В одно мгновение
Рота устремилась вперед...
...Но опять обрезал наступление
Разъяренный вражий пулемет...

Вспомнил Саша Волгу в час заката,
Нежное мерцанье огня...
Нелегко безумному солдату
Расставаться с юностью своей.
Нелегко...

Но матери и дети
Ждут его, вершителя побед...

Не было длинной секунд, чем эти,
За прошедших девятнадцать лет...
— Родина!
Советская Отчизна!
Я тебе был верен до конца...
Так жила же,
Как источник жизни,—
Говорило сердце у бойца.
Отгланулся —

каждое мгновение

Гулом отзывается в груди...
Рядом дзот... Гудит в остервененьи...
Под огнем на запад не пройти.
И кругом, подобно злощастной буре,
Воздух слышен пулеметный вой...
— За народ! —

И сердцем,
Как силой,
Саша закрывает амбразуру.

Тыко-тыко...
Словно в то мгновение
Все живое замерло.
Но вот
Поднялась рота в наступление:
— За Матросова-а-а!
Вне-е-ред!

***

В час,
Когда к поверке приступает
Старшина под знаменем полка,
В памяти солдатской оживает
Славный подвиг русского стрелка.
...Нерушимой крепкой дружбы узы,
Сильны наши

крепнут и растут.

И Герой
Советского
Союза
Рядовой Матросов
на посту!

КУРСАНТ ДРОЗДОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ
«ЮНОСТЬ КОМАНДИРОВ»

Поезд прибывал в девять часов вечера. Дроздов не мог найти себе места. Он то заходил в высокое и гулкое здание вокзала, то прогуливался по перрону, то читал какие-то объявления и расписания, ровным счетом ничего в них не понимая. На скамейках сидели и лежали вповалку люди, играли в домино, пили чай; по залам, мимо военного коменданта, бегали с разгоряченными лицами демобилизованные солдаты, уже без погон, в растегнутых шинелях. Вокзал стонал, сотрясаясь от рыва паровозов, дым проносился мимо широких окон. Истомившись в ожидании, Дроздов с огромным трудом разыскал дежурного по станции, стоявшего в толпе демобилизованных и уставло отвечающего на вопросы, и спросил его, не опаздывает ли московский поезд.

— Все идет по расписанию. Все идет по расписанию, — одиотным, скучным голосом ответил дежурный и пошел к двери, сопровождаемый окружающей его толпой.

Чтобы как-нибудь скоротать время, Дроздов попробовал разговориться с дезактивированным солдатом, который сидел на скамье и пил чай из фронтовой жестяной кружки. Но разговор явно не клеился.

— Ну, так, значит, домой? — спросил Дроздов, присаживаясь рядом.

— Домо-ой, — протянула солдат и с хрустом откусил кусочек сахара. — Отвоевался. В Воронеж еду. — Солдат помолчал, взглянул на курсантские погоня своего собеседника и добавил: — А ты, видно дело, на офицера обучался? В армии остаешься?

— Остаюсь. — Дроздов замолчал. Он не мог ни на чем сосредоточиться — чувствовал, что волнуется, как никогда в жизни.

Анатолий нарочно большую часть времени провел в здании вокзала. Ему почему-то казалось, что здесь минуты ожидания пройдут быстрее, чем на дороге, где видны пустые пути и не так много народа.

За несколько минут до прихода поезда Дроздов вышел на платформу, мокрую и прохладную. Под навесом тянула ветерок. На перроне уже горели фонари, уходя в вечернюю сырневую даль, мигали среди

перрону вагонов красивые и зеленые огоньки на стрелках, поблескивали рельсы. Дроздов подошел к пыльным кустам акации и с замкнутым сердцем облокотился о заборчик. Пахло вечерней листвой, паровой гарью и дымом. Это был особый, будоражащий запах вокзала, железной дороги, связанный в его воспоминаниях с расставаниями и встречами, с ожиданием и прощаниями.

За перроном в прозрачных сумерках шевелилась огни города, темные конусы тополя; из городского парка доносились едва слышимые звуки духового оркестра.

Дроздов переживал то самое душевное состояние неизяснимого тревожного ожидания, какое было у него когда-то в детстве.

Как они встретятся? О чем будут говорить?

И он в сотый раз представлял, как войдет в вагон и Вера, просияв, вскрикнет от неожиданности. Что она скажет ему? Поколеет ли его, образуются ли протесты против ему руку со спокойным словом «здравствуй»? Но, может быть, Вера уже не одна? И кто-то чужой, угрюмый (Дроздов казалось именно так) сидит рядом с ней в купе и не сводит с нее ревинных глаз, имея какое-то страшное для него, Анатолия, право любить Веру.

— Какая ересь! — сказала вслух Дроздов и пехмурчался. «Я отпущусь к тебе так, как Бекки Тэчер к Тому Сойеру!» Вера сказала это в детстве. Давно-давно... Слово эти занули в бездну лет... Он усмехнулся: — Том Сойер.

Вдруг на всей платформе началось беспоконное движение. Люди повалили из дверей, побежали по перрону. Торопливо прошел дежурный в фуражке с красным верхом. Где-то далеко густо и мощно загудел паровоз, что-то щелкнуло, захрипело в репродукторе, и голос пронесся по перрону:

— Внимание, поезд прибывает к первой платформе.

— Подходите, подходите! — закричала на

перроне. Дроздов одернул гимнастерку и с учащено выходящим сердцем пошел по платформе вслед за людьми.

Справа в коридоре между стонящих составов появился огромный желтый глаз, белый дым струей вырвался из трубы паровоза, стемнела над крышами вагонов. Здание вокзала загудело, зарождало. Дроздова обдало горячим паром, потом мимо замаякала зеленая вагон с открытыми окнами.

Поезд остановился. Дроздов стал протискиваться сквозь густую толпу и вдруг заметил Веру. Она выходила на площадку багажного вагона. Анатолий сразу узнал ее. Но как она изменилась! Нет, он никогда не видел ее такой, в этом строгом синем костюме и с косами, сложенными на затылке в тугой прическе. У нее никогда не было кос. Дроздов молча отскочил на бедное, изменившееся лицо Веры. Это уже была не та Вера, которая сказала когда-то в детстве, что относится к нему, как Бекки Тэчер к Тому Сойеру. В своем строгом костюме она скорее походила на молодую красавицу жонглирующую, которых мужчины невольно прожигают взглядом. И он, видя, как она, быстро переступая стройными ногами по ступням, спускалась на платформу, мучительно боролся с собой, не решаясь пойдти.

Вера тихо пошла по перрону среди сутюголок.

Удерживая дыхание, Дроздов шагнул к ней, нетерпко окликнул:

— Вера!

Она оглянулась, вскинула вспыхнувшие глаза и, подавив не то вскрик, не то вздох,

Повест. «Юность командиров» готовится к печати в издательстве «Советский писатель».

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НА ГРАНИЦЕ

Сентябрьский вечер мурлычет, слезится.
Идут дожди четвертый день подряд.
Стоит у государственных границ
Совский воин, заступив в ряд.

Не ров, не скалы берега круглого
Дорогу преграждают здесь врагу —
Здесь верность и отага часового
Всегда, и днем и ночью, начеку.

ТАНКОВЫЙ СЛЕД

Колеся землю тяже-тью стальной,
Примая суренку, белую ромашку,
Шли танки по дороге полевой,
Как будто тракторы весной на вспашку.

Но след рубчатый, что широко лег
Зигзагом по степи густозеленой,

Напомнил дали фронтовых дорог
И летний день, в походах пропмыленный.

Напомнил он, как сквозь кольцо блокад,
Победо озаряя всю планету,
В шинелях наших доблестных солдат
Саобода шла по танковому следу.

СОЛДАТ-КОМПОЗИТОР

По-июному плац зеленеет травой,
Потоками щедрого ливня умытый.
Свободный от службы, вечерней порой
Сидит за роялем солдат-композитор.

Из утренней дымки, тряхнув головой,
Выходит березки в кудравом наряде.
С расцветом рождается марш боевой
Краснознаменной стрелковой бригады...

В концерте услышал его генерал —
Седому комбригу приятно и любо.

И марш этот в песенный репертуар
Вовшел к нам с эстрады солдатского клуба.

Уходит стрелковый наш взвод боевой
На дальнее стрельбище полей открытым,
И с нами под собственным марш строевой
Шагают солдат-композитор.

В РОДНОМ КРАЮ

Погожий день. Лишь знай шагай.
Тропинка убежит за пригорок.
Родимый мой равнинский край,
Как ты отпустил-солдату дорог!

У дома встретит мать меня,
И в своем солдатским сердцем знаю:
Ее в объятиях приняв,
Я всю Отчизну будто обнимаю.
г. Энгельс.

всь подавалась к нему. Он стоял перед ней с неснятым ей загоралым лицом, в гимнастерке, сальным, широкоплечий. От прежнего «Толя-садовника» остался только ясные, чистые глаза и русые волосы, выбившиеся из-под военной фуражки.

— Толя... Анатолий! — вскрикнула она, испуганно глядя на него снизу вверх таким знакомым взглядом. — Как ты возмужал! И сколько орден! Ты совсем взрослый! Здравствуй, жел.

Тогда, не найдя первых слов, не смела овладеть собой, Дроздов молча крепко, порывисто прижал Веру к себе и долго, пока хватало дыхания, не отпустил ее сомкнутых губ.

Вера откинула голову, губы ее дрожали. Он увидал на ее лице какое-то мучительное, растерянное выражение.

Им нужно было о чем-то говорить, спрашивать, но в это мгновение не было слов. Вокруг двигались пассажиры, толкались, бежали потные несильщики, а они молчали. После четырех лет разлуки, стоя среди людского потока.

— Ты надого, Вера? — наконец проговорил Дроздов.

— Я проездом. — Она постаралась улыбнуться, потом достала конверт и, точно боясь, что он еще что-то спросит, добавила поспешно: — Вот тебе письмо.

— От кого?

— От мамы. От твоей мамы.

— Спасибо. Вера, куда ты едешь? — спросил он тоже очень быстро.

— Далеко, Анатолий... Почти секрет.

— Вера, без всяких секретов, куда ты едешь? Не скажешь, просто не отпусти тебе, оставая в этом городе на сутки, вот и все! — горячо сказал Дроздов и почти серьезно добавил: — Я не буду раздумывать.

Она носком туфли потрогала камешек на перроне, вопросительно подняла глаза и усмехнулась.

— Поздно, Толя... Ох, как поздно... — вдруг принужденно засмеялся Вера. — Надеюсь, ты не оставил меня без моих чемоданов? — И, подумав, добавила: — Ты опоздал. Я еду в Монголию.

— В Монголию? Нет, Вера! Ты останешься! — решительно возразил Дроздов, шагнув к вагону. — Ты останешься на сут-

ки. Где твои куле? Ты остановишься в гостинице, а начека билета я побеспокоюсь.

— Анатолий, подожди! — почти крикнула она. И, точно опоминившись, схватила его за руку. — Ты что делашь? Ты серьезно? Это какое-то сумасшествие!

Совсем нет, Вера, — сказала она. — Просто я... — Он замолчал и с грустью в голосе добавил: — Просто... не знаю, когда еще увижу тебя.

— Толя, — сказала она с неуверенной улыбкой и замолчала.

— Что?

— Жалко... Ты стал военным, Толя! Ты же думал... ты же все время мечтал пойти в карабестротельный. Ведь война кончилась, Толя, милая! А ты в армии!

Он не понял, шутит ли она или говорит всерьез. Дроздов чуть нахмурился. Тогда Вера быстро сказала:

— Ну, нет, нет, я не то говорю, — и опустила голову.

— Вера, мы должны поговорить обо всем, обязательно. Ты останешься на сутки! — И он в самом деле пошел бы к вагону за вещами Веры, если бы она не остановила его голосом, полным непонятной мольбы:

— Анатолий! Я не хочу! Я еду. Зачем это? Я не должная... И внезапно, будто ища спасения от самой себя, она быстро подошла к вагону и произнесла растерянно: — Виктор, пожалуйста, познкоми-сь, это Толя Дроздов... Ты его знаешь...

Дроздов взглянул и понял, что совершил ошибку. Исправляемо. На перроне спустился парень в выкатанном на плечи пальто и, натянуто улыбаясь, пожал руку Дроздову торопливо и неуверенно.

— Я вас узнаю, — сказал парень и заглянул. — Я учился... в 519-й школе в зарудальном классе... В одном классе с Верой... Виктор Гоубев...

Прозвучал второй звонок. — Я не имею удовольствия вас знать! — сам не понимая, почему, резко ответил

Дроздов и вопрошенно оглянулся на Веру.

— Те, положи руку на его руку, умоляюще прошептав:

— Это мой муж... Мы вместе кончали институт. Разве ты не помнишь его? — Голос ее дрожал.

Была ли все это? Нет, поезд не останавливался, Вера не выходила из вагона, они не стояли на бурлящей народом платформе, не было никаких слов. Только «прощай... Почему не «до свидания», «до встречи», а «прощай»? Короткое слово расставания, которое уже не повторится. Почему прощай? Нет, Вера, мы увидимся. Она этого не говорила. Только осталась в памяти: ее строгий костюм, тугой узел волос на затылке, ее растерянное «Тояя, милый, прощай!».

Ай, Вера ехала из Москвы в далекую Монголию. Они окончили институт и теперь инженер-толод. Прощаем решима увидеть его и заодно передать письмо от мамы.

Он все же ничего не понял в ту минуту: неужели они расстанутся навсегда и он больше ее не увидит?

Виктор Голубев невольно извинился и, ссутулясь, пошел к вагону.

Они так ни о чем и не поговорили. Даже не успели как следует вспомнить о ребятах и девушках со своего двора. Вера ой узнала, что еще никто из товарищей не вернулся из армии, раздался звонок.

Поезд тронулся. Дроздов медленно шел по платформе. Вера помакала рукой из окна. Ему показалось, она плакала.

— Прощай!

Откуда она знала это старинное, именно старинное тоскавое слово? Ведь есть другие слова!

— До свидания! Желаю удачи, Вера! — выговорил она.

Потом удаляющийся перестук колес последнего вагона, рубиновый огонь, улаивающийся в ночь... Тишина и пустота на платформе...

Бумажки, поднятые ветром, садилась на пыльные плаки в конце перрона. Шум поезда стих. В последний раз раздался крик Дроздова.

Дроздов повернулся и пошел по платформе. Хотелось курить и молчать.

Он вышел в город, миновала площадь, зашагав по тротуару. В ушах еще звучало последнее слово «прощай!». В глазах стояло лицо Веры, улаивающее в ночь... Было больно, горько. Что-то мучительно умирало в Дроздове.

Это больно, да? Больно. Но что же сделалось? У нее теперь своя судьба, свои интересы, свои заботы. И эта жизнь очень далека от него. В сущности, была Вера и нет Вера.

Дроздов вынул зажигалку, выскел огонек. Когда прикуривал, почувствовал, что рука его, которую пожала Вера, чуть пахнет спиреня.

Анатолий медленно шел по желтым полосам электрического света. Она сказала с горечью, точно оправдываясь: «Ты стал взрослым, а я и сейчас думаю, что ты пойдешь в кораблестроительный». Почему это вызвало у нее удивление? Верно, до войны он хотел идти в кораблестроительный, это была его мечта: строить корабли и знать, что где-нибудь в океане в туман и непогоду, когда ветер свистит в вантах и брызги летят над палубой, люди ведут боковой, светящийся огнями, послушными породам и поминуют тебя добрым словом. Ведь это ты сидел над чертежами, не спал много ночей, лезла по стелажам, вкладывая в корабль душу.

...Вот этой корабль медленно привалывает к молу, возмывалась над крошечны-

ми буксирами, снующими вокруг, или стоят где-нибудь в дальнем порту под советским флагом, или еще лучше: твой корабль уверенно идет к полосу северной зыбкы мгу штурмовой ночи... В этом был смысл будущего, заманчивого и прекрасного. Анатолий готовился к нему: охватываясь по утрам холодной водой, занимался боксом, парусным спортом, — тренировал, закалял волю и тело, читал книги по кораблестроению. И даже сейчас помнил некоторые термины. Он пошел бы в кораблестроительный, если бы не война.

Война подхватила Дроздова и перенесла вместе со многими его сверстниками на другой, военный корабль. Тогда он был еще мальчишкой, и мир представлялся ему таким же несложным, как в детстве. Анатолий не задумывался над своими обязанностями. Но в Сталинграде в период тяжелых боев его потряс один случай.

До этого, в училище, он несколько недолюбивая командира батарея — очень строго, суховатого, требовательного офицера, который часто повторял курсантам: «Забудьте, что жизнь ваша сейчас принадлежит вам. Она принадлежит Родине. Вы раньше хотели быть инженерами, токарями, поэтами. Это сейчас прошлое. А сейчас — война — погоня на ваших лезвях. Эти погоня — ваша честь, ваша совесть!»

Дроздов в душе по-мальчишески посмеивался: что значит «погоня» — это ваша совесть? Самимком угромкой! Надо воевать, и все, без красивых фраз.

Дроздова потрясла смерть комбата. Во время ураганной артиллерийской противника перебило связь НП с батареей. По линии был послан связист. Его убило у батареи — связист. На наблюдательном пункте оставалась лишь двое командира, лейтенант — командир взвода управления. У лейтенанта были перебиты ноги, но он еще двигался. Гитлеровцы наступали. За валом разрывов медленно ползли танки, следом бежали автоматчики. Комбат молча смотрел на них, судорожно сжимая немую трубку. «Я проверю инту!» — крикнул он лейтенанту. — Открытый огонь, как только услышите позывные!» И, выскочив из окопа, побежал к батарее.

Лейтенант открыл огонь ровно через де-

сят минут, как только послышался шумер аппарата: вызывала батарея. Комбат не возвращался. Теряя силы, страшно ослабев, лейтенант соображал на батарее, что он ранен и боится, как бы не потерять сознание, а комбат пошел по связи и до сих пор не вернулся. Потом спросил, что бы прислали людей на наблюдательный пункт.

Когда Дроздов увидел комбата, не поверил, что тот убит. Комбата лежал на первом бугре, недалеко от НП, среди множества черных воронок, припас шеей к земле. Рядом валялась его фуражка. Задыхаясь, Анатолий побежал, приподнял комбата за плечи и, пораженный, увидел, что кабели разъединились. Тогда Дроздов пролил все умирая, чувствуя, что поврежденными руками он не сделает ничего, комбат соединил концы провода, наложил их друг на друга, и лег на них, прижав своей тяжестью к земле. Сил у него, видимо, хватало только на то, чтобы кое-как зачистить концы провода. Должно быть, заметив комбата, по нему были танки. Ведь он был на самом бугре. «Вот что значит «жизнь ваша принадлежит Родине», — с воодушевлением подумал Дроздов.

Для комбата в тот момент было важнее жизни, сильнее всего на свете открыты огни: ведь стреляла его батарея! А лишь всего в трех шагах от убитого был вырытый лезвотчицами окопчик, комбат мог бы прыгнуть в него. Но не прыгнул. Он, видимо, думал, только об одном молчит его батарея! И руководил им только одно чувство — чувство долга!

«А я думаю, ты пойдешь в кораблестроительный или геологический...» Что ж, спасибо и за это неадекватное оправдание. Но теперь уже не пойдет ни в кораблестроительный, ни в геологический...

Анатолий и сам раньше думал, что в армии могут послужить и другие, — он навоевался. Но кто другие? Ведь он полюбил армию, ее коллектив, он знает ее лучше, чем кто-либо другой, он знает офицеров, которых никогда не забудет, — кому же быть офицером, как не ему? Да ведь, в сущности, каждый из нас выполняет свой долг. Что ж, он не жалеет, что пошел в училище... Он доволен и горд этим!

Далеко, за тридевять земель, протяжно кричали паровозы.

Николай ГРАЧЕВ

ВЕРНОЕ СЛОВО

Далекое детство...
От зноя
Горит в палисадах трава.
Духучинию старой пилыю
Мы пилим на козлах двоа.
Прилипла к лопаткам рубаха,
А солнце все злее и злее...
Но шутит отец с каждым взмахом:
— Ешь — забинь.
Роботай — потей!

Мой батька,
Хоть был и суровым,
На томино, чтоб драп нас ремнем.
Помнине
Я добрым лишь словом
Всегда вспоминаю о нем.
Любил он работу до поту,
Вышивавый у дома садон,
Горячую баню в субботу
И чай —
Чтобы «душу обжег».

Он с детства учил нас ремеслам,
Как самой чудесной игре:
На речке
Сажал нас за весла,
Топорик вручал во дворе;
А коль заболешь, бывало,
Укроет тебя до бровей
Туплюм поверх одеяла:
«А ну-ка, сынок,
Пропотей!»

Он с детства нас здорово школил:
Чтоб глаза забивать
За удар:
Чтоб с рук не сходили мозоли,
Как с кожи — трехслойный загар;
Чтоб быть и солдатом и землем,
Когда б это в жизни пришлось!
И песням учил, между прочим...
Все это
Не просто далось!

«Трудись!»...
Мы трудились, потели.
Надолго запомнилось мне:
Под небом в разрытых шрапнели
В атаку идем по стержню,
Валилась с усталости рота,
Но в полях
Шла из огня...
На веки на вечные
Плодом
Война просилила меня.

Вот там,
В опаленных воронках,

Когда над родною землей
Не светлая трель жаворонка,
А сирокет железный и вой,
Когда исчезали все сроки,
А сам и в пыли и в крови,
Пришли ко мне первые строки
О ненависти
И любви.

В тех строчках не все было гладко —
Шипов было больше, чем роз...
«Стихи фронтовые в тетрадке
Я, помню, поэту принес.
Я думал:
Лишь хватки хватало б.
А он мне сказал:
«Грамотей,
Пока это только начало.
Но ты потрудись,
Попотей!»

Июльской короткой зарницы
Сверкнули пять лет.
Но с тех пор,
Как заповедь, дюною хранится
С поэтом-таким разговор
В Котельницах,
Около дома,
Где выращен маленький сад.
Где листья с берез и черемух
В открытые окна летят.

Душою в рецепты не веря,
Он мне говорил не о том,
Какие бывают размеры,
Что строится стих, словно дом:
Сначала, мол,
Землю копают,
Надаются затем кирпичи...
Он верил.
Он это узнаю.
Не этому он научил.

Я помню, как тени ложились
На теплую землю вокруг,
Как медленно солнце катилось,
Сверху положенный круг,
И голос:
«Как солнцу с востока
Дорога не запад всегда» —
Начала стихов, их истоки
В навеклом, упорном труде.
Все в жизни трудом создается:
Машины,
Села,
Города...
И сердце людское зажжется

От песни
Лишь только тогда,
Когда от души она спета
И каждое слово твое
Горничей любовью согрето,
Жизнителя силой ее.

Ты знаешь, как маленький лучик,
Свой путь пробивая во мгле,
Связь плотную, черную туч
Упрямю стремится к земле?
Ты видел, как малого роста
Пророс на камнях стебелек?
Пойми, перейми их упорство,
В нем —
Всякой победы залог.

Я это забуду не скоро:
К закату стремящийся день
И то,
Как, дойдя до забора,
Сломалась лиловая тень;
Я это запомнил на годы,
Как, встав у дощатой стены,
Сказал он:
«Большому народу
И песни большие нужны!
Шагает он смело, широко, —
Иди с ним и ты вперед!
Гляди от далеко-далеко, —
И ты, как разведчик, гляди.
Он любит работу, как праздник,
И в бить протаргует менты,
Но трижды упорней
Обязан
Трудиться все время и ты!

Умелец — он многое знает,
Он любит правдивую речь,
Он ложное прочь отменяет,
Но доброе
Будет беречь;
Трудись до двадцатого пота,
Чтоб верно слово найти,
И помни,
Что только работой
В поэзию можно войти!»

...Он сам провалял за ворота
Солдата с тетрадкой в руках,
И было
Отпокоее что-то
Во взгляде его и в словах.
Я вышел уже из Котельниц,
А он все стоял у ворот,
Сосем словно старый отец мой,
Когда уходил я на фронт.

г. Иваново.

ГВАРДЕЙСКАЯ СЛАВА

В № 16 журнала «Смена» за 1954 год была напечатана заметка, в которой рассказывалось о подвиге гвардии рядового Якова Филиппова. На учениях парашютистов солдат Филиппов, рискуя собственной жизнью, став офицера, проявив при этом исключительную находчивость и отвагу.

Читатели журнала Н. Бородин, Ф. Имамалов, Н. Ильинская, А. Симонен, В. Банниченко, И. Савостьянов, Е. Котут и другие, выражая восхищение самоотверженным поступком советского солдата, просили редакция подробнее рассказать о жизни и службе гвардии рядового Якова Филиппова. Выполним просьбу читателей.

Дорогие читатели «Смены»!

Меня часто спрашивают, как я смог проявить такую находчивость в воздухе. Ответю коротко: так на моем месте поступил бы каждый советский солдат. А стать хорунжим солдатом мне помогли мои товарищи комсомольцы.

Гвардии рядовой

Яков Филиппов

По Красной площади проходит прославленная гвардейская аннадесантная часть... На одной из машин (парней справа) Яков Филиппов.

— Вражеские танки прорвались через первую линию траншей и устремились вглубь обороны. Но стойкость гвардейцев было не так-то легко. Вот уже два танка затоптаны, наполнив воздух дупной гарью и дымом. Под третий бросился последняя связка гранат. И только четвертый танк затыл было нечем. Но в эту минуту произошло невероятное: гвардейцы Скороходов выпрыгнули из окопа, всколых с разбегу на танк и через открытый люк в упор расстрелял вражеский экипаж...

— Вот это героизм! — похвалил Яков Филиппов, слушая рассказ замполита роты.

А лейтенант Маслов, молодой высший офицер, продолжал рассказывать окружающим его новобранцам о подвигах, совершенных советскими воинами на полях сражений. Он говорил о том, как сер-

жантин Владыкин дрался один против десяти фашистов, как комсомолец Курочкин отбил вражеский миномет и ударил из него по отступающим фашистам...

Особенно поразила Якова Филиппова подвиги солдата Деревягина, который в трудную минуту, не задумываясь, отдал жизнь за своего командира. Это произошло в разгар наступления гвардейской части. Гитлеровцы сопротивлялись с ожесточением обреченных: непрерывно строчили из пулеметов, забрасывали наступающих минами и гранатами. В самый острый момент боя вражеский залуччик пробрался к НП и швырнул под ноги командиру гвардейцев гранату. Но находившийся поблизости солдат Деревягин бросился к командиру и прикрыл его своим телом...

«Какое сердце надо иметь, что-

бы совершить такой подвиг! — восхищался втайне Яков Филиппов. Когда беседа закончилась, он подошел к окну и, всматриваясь в темноту ночи, задумался.

Под окном казармы четко промаршировал строгий солдат. В открытую форточку врывалась любимая песня десантников:

И в ясный день, и в злую непогоду,
И в час ночной идет снова
Десантный полк — воздушный
облака
Страны родной крылатый
пехоте
войска.

Это шли гвардейцы. У Якова Филиппова было грустно на душе. «Далеко мне до них!.. Уж не по ошибке ли направил меня служить в эту часть?» — думал юноша. Ему казалось, что даже те товарищи по роте, с которыми он одновременно приехал сюда — совсем другие люди, не те, что он. Одни из них рассказывали, что два раза летал на самолете в Одессу. Другой хвалился, что ему и с парашютом пригнать не верховой: в аэропорту занимался парашютным спортом. Третий был в партизанском отряде. А что мог рассказать о себе Яков Филиппов? Жил он далеко в тулоре, в оленеводческом колхозе «Путь Ленина», там, где широкая, могучая Обь вылетает в холодные северные воды. Его отец, коми, всю жизнь кочевал с оленями по стойбищам Ямал-Немецкого национального округа. К этому был привычен и Яков. Он ходил на зверя, искусно добывал полярную куропатку, еще ребенком научился составлять собаку упряжку, ездить на оленях. А вот на самолете летать не приходилось. Да что самолет! — он и паровоз-то увидел впервые лишь тогда, когда ехал служить в армию!

В войну Яков мечтал попасть на фронт, но он тогда еще ростом был, как говорил отец, «аршин с шапкой». Однажды в полярную ночь в стойбище пришла страшная весть: на фронте смертен гвардеец погиб его брат гвардеец Михаил. Через час Яков и его второй брат Василий мысленно на оленях за сотни верст к военному комиссару. Они просили его послать их на фронт — заменить погибшего брата. Василий взвешив, а маленючка Якова военным комиссаром лишь залюбуясь «на оленях». Так и прождал он очереди чуть ли не десять лет...

Впрочем, эти раздумья Филиппова о себе все-таки кончались добрыми мыслями: он маленький ростом, да настоятельный, рослый, чубатый солдат Петров. Пришел и шутил сказал о Якове:

— Я бы этого мальшма не взял в гвардию. Ну что это за рост для гвардейца! — охотился метр! Взял ему придела быть с собой песком, чтобы его ветром не унесло вместе с парашютом. — И покашляст! — Вот но как в отделение попал один парень! Рост — косяк сажень, грудь — комсомо! — И чуб, небось, как у тебя? — спросил, улыбаясь, Лукин. — Слава гвардейская, браток, не чубами добывается, а подвигами. А полувинг — штука волежка. Еще не известно, кто его совершит...

После ужина к Якову Филиппову подошел секретарь ротной комсомольской организации Марков Людилов, подтянутый гвардеец. Перебросившись с Яковым парой фраз, он вдруг согнулся в локте правой рукой и предложил:

Лейтенант Маслов поздравил своего спасителя и помог ему прикрепить к гимнастерке первую боевую награду.

За укладкой парашюта.

— Хочешь потрогать мускулы? Яков потрогал и просто изумился: мускулы были тверды, как жили оленя.

— Вот, брат, что гвардия делает с человеком! Не горой, сил — до последнего. Только побольше заниматься надо на бравые, ведь владение, да и про гирю не забывают.

Они проговорили до самого отбоя.

В эту ночь Яков спал крепким, спокойным сном. Проснулся он бодрым, таким же бодрым, как его сосед по койке, веселый белокурый солдат Соловьев. И пожелал лишь о том, что наступил не учебный,

час уже трудно вспомнить все трудности, по которым Яков Филиппов поднимался к вершинам солдатского мастерства, трудно перечислять все препятствия, которые вставали на его пути. Яков не переживал и числа дней, которым все дается легко: каждое препятствие он брал «с боем», трудом, упорством.

Трудно было одолеть уставы, не умев читать по-русски, но молодой гвардеец с помощью Соловьева все-таки одолел их. Нелегко было постичь сложное парашютное дело, но Филиппов под руководством старшего лейтенанта Луккина овладел и парашютом: отлично прыгал, искусно приземлялся с любой высоты. Ему помогал и командир подразделения старший лейтенант Половников, а командир взвода лейтенант Егоров, и замполит, и комсомольцы.

К концу года гвардия рядовой Филиппов был уже в числе лучших десантников части. Он научился отлично стрелять, работать на спортивных снарядах и даже словно парод за это время.

А через несколько месяцев в части произошло событие, которое показало, какое большое и горячее сердце бьется у гвардейца Филиппова.

Вот как это произошло.

В конце зимнего лагерного зета в полотный городок десантников пришел из штаба приказ, в котором предписывалось потрудиться на расвете в самолеты, вылететь в пункте Н. И навести по «противнику» неожиданный удар.

Безмятежно асы, что в этих условиях предстоит показать все лучшее, чему они научились.

На аэродром прибыли быстро. И вот уже запели моторы, крутанули винты и взмыла в воздух.

Рядовой Яков Филиппов прыгнул с парашютом одним из первых. Свежий утренний ветерок со свистом ударил в лицо, освещенное звездой. Прочув секунду, вторая, последовал привычный толчок, и над головой зашелестел раскрывшийся парашют. Солдат огляделся. Вокруг все воздушное пространство было заполнено осененными солнцем куполами парашютов. Они, тихо покачиваясь, медленно плыли вниз. А внизу расстилалось, как бескрайнее море, зеленое поле аэродрома.

Оказав коротким взором землю, Филиппов привычно поднял голову, чтобы оглядеть купол своего парашюта. И вдруг вздрогнул от неожиданности: прямо на него стремительно падал человек, за которым длинным шлейфом тянулся нераскрывшийся парашют. Первое желание, мелькнувшее в сознании гвардейца, было скорее уйти в сторону, чтобы дать дорогу падающему. Ведь при быстром падении чуть протрякнутый парашют обычно раскрывается полностью. Но человек приближался с головокружительной быстротой. Вот он ударился о край купола парашюта Филиппова, аелся в его стволы и соскользнул вниз. «Поплибте! — мелькнула у Якова тревожная мысль, и он что было силы схватил обмякшими руками спусковой купол парашюта, сам едва не перевернувшись в воздухе от сильного рывка.

Теперь они летели вдвоем на одном парашюте. Летели вдвое быстрее, чем все остальные, но все-таки спускались, а не падали. От чрезмерного напряжения у Филиппова онемела рука и мут-

лось в глазах. Он уже узнал человека, спускающегося вместе с ним, — это был замполит подразделения лейтенант Маслов! Тот самый Маслов, от которого он впервые услышал о героизм-гвардейцах, о бессмертном подвиге рядового Деревянгина, отдавшего свою жизнь за командира.

Напрягая последние усилия, Филиппов еще крепче сжал побелевшие пальцы рук и с осязкой посмотрел на вытянувшийся купол своего парашюта. «Выдержит ли! — сел ответ себе — Выдержит. А уж погибать, так вместе!»

Навстречу быстро надвигалось зеленое травянистое поле аэродрома. Еще минута, толчок — и они на земле. Очнувшись от удара, солдат бросился к лейтенанту, упавшему навзничь в трех шагах от него.

— Товарищ гвардии лейтенант! Товарищ гвардии... — склонился Филиппов над замполитом.

Маслов очнулся, широко открыл удивленные глаза и, с трудом улабавываясь, медленно проговорил:

— Это вы, Филиппов? Спасибо!

Филиппов растерялся. Он никак не мог разжать свои пальцы, мертвые вцепившиеся в самый край офицерского парашюта...

«Бить о ползавите гвардии рядового быстро облетела весь аэродром. А после ушел Яков был вызван в Москву за получением высокой правительственной награды. Вечерняя столица поражала скромностью до застенчивости юношу обильной ошей. Ликующие огни озарили улицы, мелькали в скачущих вышних дворках, в рубиновых звездах кремлевских башен. Чем-то она напоминала ему неслыханную красоту советского города, в котором он не раз любовался в тулдре.

Награду гвардейцу вручал Министр обороны. Он крепко пожал Филиппову руку и пожелал дальнейших успехов в службе и учении.

— Служу Советскому Союзу! — твердо ответил Филиппов, и его слова прозвучали торжественно, как клятвы.

Через несколько дней гвардейская авиационная часть, в которой служил рядовой Филиппов, вместе с другим войсковым подразделением в военном параде, проходила по Красной площади. Впереди разевалось гвардейское знамя. За ним следовали под звуки торжественного марша колонны автомашин, среди сплывших между собой невидимыми стальными сидели десантники — зеленые комбинезоны и черные авиационные шлемы. Среди них был и гвардии рядовой Яков Филиппов.

— По Красной площади проходит прославленная гвардейская авиационная часть — торжественно объявил радиомикрофонатор. Он рассказал о подвигах десантников в годы Великой Отечественной войны. Ассистентом в рассказе о новой гвардейской славе, назвал в числе других и Филиппова...

Вся страна слушала эти слова о подвиге молодого гвардейца. Слушала и в отечестве из далекого заполярного колхоза «Путь Ленина». Слушала и гордилась: сын бескрайней, заснеженной тундры стал достойным наследником гвардейской славы!

У книжного ящика.

Бела ИЛЛЕШ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава из романа «Обретение Родины», посвященного освобождению Венгрии

Вернуться спустя четверть века на родину, где протекла твоя детство и юность! Снова увидеть родной город! Да еще при таких необычайных обстоятельствах, как это произошло с Гезой Бялином.

Венгерский писатель, политический эмигрант, почти двадцать лет проживший в Москве, сейчас после тяжелых боев возвращается на родину, в милаый свой Бергсвас, где еще несколько дней назад свистовым гитаровцам, притом он возвращается советским офицером, в мундире, украшенном орденами.

Нет, воистину надо быть поэтом, чтобы решиться описать те сложные чувства, которые обуревали Бялинта. И сам-то «альт-майор», как в шутку прозвал Бялинта, вряд ли смог бы сразу в них разобраться. Охваченный небывалым волнением, он еще не ощущал ни радости, ни боли и только стараясь призвать все свое выдержку и силу воли, чтобы разобраться в обстановке и определить, что можно и что следует сейчас ему делать. Каждое движение майора, каждый жест были решительными и тверды, а в голосе звучал металл, будто он вел батальон в атаку. Но вместе с тем он все что-то ждал, хотя сам, в сущности, не знал, чего.

В вечерних сумерках вместе с Мире Береком Бялинт обошел город из конца в конец. Он разглядел дом, где родился, заглянул во двор, в сад, попытлся даже найти те деревья, лаяла по которым в свое время не раз рвал штаны. Но от большого сала остались только одни пеньки. На городской окраине он увидел дом, в котором жила когда-то его первая любовь. Дом

стоял на прежнем месте, но ворота были снесены, а окна выбиты. Может быть, Берек знает, что стало с Илоной Бразил, дочкой бывшего владельца кирпичного завода?

— Вышла замуж за Золтана Шеран. Пожила два года, а потом разошлись. Не знаю, где она сейчас, да и жива ли вообще.

— А вот здесь, — заметил Бялинт, указывая на дымящиеся развалины, от которых шел тошнотворный запах гаря, — здесь жила когда-то мой лучший друг детства, Пинта Чаго. Не скажешь, что с ним тепер?

— Не знаю. Он уже давным-давно уехал отсюда.

— На этом месте, — остановился Бялинт возле груды битого кирпича, — было жилище нашего доктора, Эреде Уальмнина.

— Он умер еще до войны. А его сына, инженера, повесили гитаровцы. У доктора была еще дочь, тоже врач. Ее нам удалось перепоросить к партизанам.

Множество знакомых зданий узнавал в голове упорно асаял не только Бялинт, но и отдельные случаи из жизни этих людей. Однако ни в одном из домов, знакомых до боли, не удалось «альтсому майору» встретить друзей детства.

В семь часов вечера Геза Бялинт дела доклад в местном партийном клубе. Впервые в жизни переступил он пороги этого одноэтажного здания на самом берегу Верки. Когда он был ребенком, здесь помещался казино для господ, и на посту перед ним днем и ночью стоял гаулау, одетый в национальную форму, при сабле и кобуре. Теперь у входа в дом прохаживался вооруженный партизан.

Доклад не особенно удался Бялинту. Обычно до сих пор он старался использовать и устное слово, и перо, и дело, чтобы подчеркнуть, что для завоевания свободы, для преобразования в жизнь социализма еще предстоит очень много работать и бороться. А вот сегодня он почему-то сразу заговорил о социализме в таком-то, будто стоит лишь пальцем поманить, и социализм мгновенно осуществится тут как тут. Бялинт пришлось рисовать будущее самыми яркими красками. Но из сотни людей, явившихся послушать его, вероятно, не многие ощутили, что в докладе, в сущности, чего-то не хватает, что говорящий по-венгерски советский майор что-то не договаривает. Бялинт заметил только, как председательствующий на собрании Берек почесал в затылке.

В то время, когда докладчик в пналу красноречия успевает зашептать в будущее, где уже не будет ни в чем недостатка, где осуществятся все народные чаяния и мечты, патристический в богах его слух ударов ноября злужил со стороны Чопи. Там еще шла ожесточенный бой по укрепленным врага начал битв тяжелей артааде-рия. И серьезный, торжественный Бялинт, только что витавший в будущем,

неожиданно уамбунулся и весело воскликнул:

— Это наши! Наша тяжелая артиллерия!

Затем продолжил докладывать. Правда, хуже не с того места, на котором его оборвал. Теперь Благин говорил о задачах, которые предстоит решить, о трудностях, победы которые надо во что бы то ни стало.

И самого Валюнта и Беркуа удивило, что лишь выслушав, по их обыкновению, ища, удавшийся доклад был встречен слушателями бурными аплодисментами и приветственными возгласами. Это не было простой нежностью. Нет, люди выражали подлинное чувство радости. Услыхав доклада отсюда не было обусловлено качеством. Скорей всего причиной тому послужила сама личность докладчика. Да и как могло быть иначе!

«Ведь это же парень из нашего городка говорит о социальном! Парень, прошедший огонь и воду, вернувшийся домой в самой замечательной в мире военной форме, со сверкающими на груди золотыми и серебряными звездами! И кому он говорит? Нам, которые всего несколько дней тому назад могли в любую минуту подвергнуться пыткам, попасться в плен!»

Все, что выскочка этим людям Благин, звучало для них настоящей музыкой. Они давали полную волю своим чувствам, а эти чувства, в свою очередь, подогревали майора, наполняя его новой силой. Благин сказал своим слушателям, что придет сюда на следующий день утром, чтобы ответить на вопросы о Советском Союзе и рассказать о международном положении.

И вот Благин снова на улице. Рука об руку с Берком он вторично за сегодняшний день проходит по еще темному, немоу городу.

Знаешь, товарищ Берек, — после долгого молчания произнес майор, — сегодня я кое-чему научился. Еще утром твердо решил, что не дам волю своим чувствам. А сейчас мне даже непонятно, как мог я думать, что солдат не должен чувствовать. Хотел быть очень твердым, а вместо этого уподобился мальчишке, который разгрызает из себя взрослому приказка, видите ли, боролу и усю. Такие вещи для ребенка — только игра, а для взрослого — несомненное ребячество... Взгляни на эти вот развалины! Там, в разбомбленном

доме, лет сорок — сорок пять назад проживал кузнец Кламан Чичери. В передней половине дома помещалась его кузница, в задней — жилая, а на задворках — конюшни. Мы жили по соседству, все слышали. Чичери был кузнецом и конюшником. К нему приводили со всей округи старых, больных коней. Делал им он что-нибудь со своими пациентами, кроме визитации с их хозяев денег за лечение и фураж, мне неизвестно. Тем не менее обо его конюшнях были постоянно битком набиты изнывавшими в предсмертных муках лошадьми.

И я ту пору мечтал заделаться гусаром. Решено пойти в гусары оставалось непоколебимым, хотя я ни разу в жизни не садился на коня. И вот однажды вместе со школьным товарищем Белой Воробан, который тоже жил рядом с Чичери и так же, как и я, горел желанием стать гусаром, мы задумали большое дело. Корооче говоря, собрались выкрасить из конюшни конюшню лошадей, чтобы обучиться верховой езде.

В те времена в девять — начале десятого вечера город уже спал. Мы договорились встретиться ровно в половине десятого. В усвоенное время я был на месте. Впервые в жизни мне пришлось передо мной ночная улица. Я, повидимому, очень тогда дрожал, но все-таки крепился. Наконец прибыл и мой друг Беау. Он селетка опоздал и казался напуганным. Я решительным шагом направился прямо к дому Чичери. Беау — что же еще ему оставалось делать? — пошелся следом за мной. Ворота оказались незапертыми, а дворя конюшни были распахнуты настежь. Стряпа «боявых коней» покоился глубоким сном, и путь был свободен. До сих пор не знаю, откуда взялось у меня столько отваги! Отвазав какую-то древнюю кобылу, я выткнул ее из конюшни во двор, причем Беау все время хныкала и сопла. Не обращая на него ни малейшего внимания, я достал скамейку и, встав на нее, одним махом очутился на прогнувшейся от старости пыльной спине лошади. И... о, чудо! Лошадь, которая едва держалась на ногах, под влиянием бог вест каких стародавних воспоминаний тронулась с места и вынесла меня на улицу. Затем свернула к ратуше и побрела дальше со скоростью одного — двух километров в час. Я, конечно, не ожидал, что лошадь, которую мне удастся оседлать, вместо того, чтобы топтаться на месте, понесет меня

все дальше и дальше от моей специальной скамейки. Признаюсь, я здорово перепугался и заревел во все глотки, обливаясь обильными ручьями слезо-клатчи. В ответ она начала переставлять ноги значительно быстрее. Беау, перепугавшийся лучше меня, также принялся изо всех сил кричать. Впоследствии мой товарищ стал оспаривать данные по своим выходящим телосовские данные он обнаружил тогда впервые.

— Лошадь утащила Гезу! Лошадь утащила Гезу! — ревел Беау.

Через несколько минут все улица Бочка была на ногах. Один решил, что дело горит, другие — что на город напали разбойники, и выспысали на улицу; третьи не осмеливались даже noise выступать за дверь, так как предполагали, что местные богачи устроили очередную пирушку, а связываться с ними было опасно. Финал был таков: меня побоял, Беау тоже отрубасил, но больше всего досталось бедной лошади...

Зачем я все это тебе рассказываю? Да просто потому, что мне сейчас очень приятно поговорить о детстве. Однако это вовсе не значит, что я жалею о том, что оно миновало. Нет, отнюдь нет. Я вовсе не хотел бы снова превратиться в ребенка. У меня нет ни малейшего желания так или иначе оторваться от настоящего. Если и случается когда помечтать, то не о прошлом, а о будущем: как хорошо было бы очутиться на месте моего сына, даже внука или правнука!

Многие поэты полагают, что лишь они имеют право на подобные воспоминания. Не жую оскорбляет ни поэзия, ни поэтов, но жизни говорит нам больше, чем самые величайшие из поэтов. Вот жую я сейчас по улице, где в детстве играл в футбол, гоня шар, так как предполагаю, что местные в форме солдата Советской Армии-освободительницы... Хотелось бы мне видеть поэта, который смог бы написать об этом или хотя бы помечтать о таком необычном жизненном пути! Для этого не хватит даже неурядничей фантазии...

— Где будем ужинать? — после долгого молчания спросил Валюнт.

— У меня, — ответил Берек. — А скажи, товарищ Валюнт, ты заметил, что пушки давно замолчали? Что это ты значило?

— Наши звали Чо!

Авторизованный перевод с венгерского А. ПЕРШОВИЧА.

На линии огня

Сейчас Анатолий Богданов сдает государственные экзамены в Ярославском военном училище. Анатолий выбрал себе военную профессию. Да и можно ли быть иначе, если хоть на мгновение представить себе весь жизненный путь будущего офицера!

Одиннадцатилетним подростком Анатолий Богданов попал на торпедные катера. Случилось это во время Великой Отечественной войны в освободленном Асингграде. База торпедных катеров стала для мальчика родным домом, багياتские моряки заменили ему мать и отца.

Шестипатный чемпион мира по стрельбе Анатолий Богданов.

В грохоте сражений проходил последние годы его детства. В кубрике у койки впитал всецело тщательно вычищенный и смазанный автомат. Толя умея обращаться и с пулеметом, знал, как стреляет пушка, видал, как устремляется на врага торпеда. Мальчика восхищала окружающая его могучая, грозная техника. Но то было лишь романтическое увлечение оружием под влиянием возраста и обстановки. Социальный интерес к нему, привязанность пришла значительно позже.

Окончилась война. Богданов поступил в ремесленное училище. Однажды он зашел в тир. Товарищи подростки стреляли из малокалиберной винтовки. Многие выжили пять выстрелами по 30-40 очков.

— Дайте я попробую! — попросил Толя. Он сделал тоже пять выстрелов, но все мимо. Ни одного очка! Кто-то всаеялся: — А еще на фронте воевал!

Анатолия это задело за живое.

С тех пор Богданов начал заниматься стрелковым спортом всерьез. Он проводил в тире почти все свое свободное время. Молодой стрелок был упрям. Непослушное вначале оружие неостенно подчинилось ему. Будущий славярь Анатолий Богданов стал самым мягким стрелком в ремесленном училище, получив спортивный разряд. Кто-то из соревнующихся его увидел один из опытейших тренеров по стрельбе, И. Р. Иохельсон, заинтересовался им.

Иохельсон не нашла у своего нового ученика особых природных способностей. В координации движений, остоте зрения, физической силе Богданов уступал многим. Тренера привлекало другое: необычайное трудолюбие юноши, его настойчивость. Каждым радостным блеском выжмуган серьезными внимательными глазами Толя, когда он впервые взял в руки малокалиберную винтовку повшенной точности, оружие мастеров огня!

Однако теперь Анатолию стрелять приходилось совсем нехоту. Иохельсон был сторонником так называемой беспудовой тренировки. Почти все время уделялось подсобным занятиям: поискам наиболее выгодного положения корпуса при изготовке и стрельбе, кропотливой обработке каждого приема, упражнениям для глаз и рук, тренировке дыхания. И, кроме того, плавание и бег — летом, лыжи и коньки — зимой, а спортивная гимнастика — круглый год, ежедневно.

— Вот еще одно упражнение. Придется заниматься им месяца три — не раз годливо. тренер Анатолия.

И Богданов неутомимо повторял спортивные уроки.

Скучно? Неинтересно? Смотря для кого! Во всяком случае, не для Анатолия Богданова, который чувствовал, что оружие становится все более и более послушным. Контрольные выстрелы свидетельствовали, что стрелковая выучка Богданова непрерывно растет. В 1961 году он стал мастером спорта, а в начале 1962 года установил всесоюзный рекорд в стрельбе из малока-

либерной винтовки лежа, с колена и стоя.

К этому времени Богданов был уже призван в армию. Его направил в Ярославский военное училище. С тренером пришлось разлучиться, но Анатолий всегда помнил его совет:

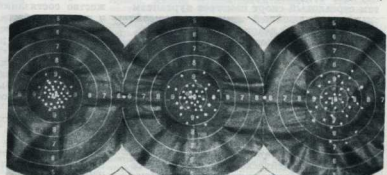
— Не увлекайся легким оружием! Привыкай и к винтовке крупного калибра.

Крупнокалиберная спортивная винтовка весит со всеми приспособлениями более 8 килограммов. Выпалня, классический комплекс «боевой стандарт», состоящий из трех упражнений — стрельбы лежа, с колена, стоя, — надо сделать на соревнованиях 120 выстрелов. Сколько тут понадобится одного только физического напряжения! Зато такая стрельба особенно увлекательна. Мишень находится уже не в ста метрах, а в три раза дальше. Едва виднеется центральный кружок. Попать же надо прямо в «десятку».

В военном училище Анатолий усердно тренировался и с крупнокалиберной винтовкой. Его не останавливали трудности, неудач. Летом 1962 году он впервые участвовал в стрельбе «боевой стандарт» на больших спортивных соревнованиях и добился выдающегося результата. Молодой спортсмен, новичок в «боевом стандарте», выиал 1128 очков, повторив всесоюзный рекорд гораздо более опытного стрелка.

А вскоре Анатолий Богданов вышел с крупнокалиберной винтовкой на огневой рубеж стрелкового турнира Всемирной олимпиады в г. Хельсинки. Здесь он победил спортсменов многих стран, в том

МИРОВОЙ РЕКОРД — 1133 ОЧКА,
установленный Анатолием Богдановым из боевой винтовки произвольного образца по упражнению «стандарт 3×40» (лежа, с колена, стоя).

Первое место: лежа—391 очко.

Первое место: с колена—380 очко.

Третье место: стоя—362 очко.

Анатолий Богданов объясняет товарищам, как он добился такого успеха.

числе знаменитого швейцарца Бюрхлера, и добился золотой медали олимпийского чемпиона.

— И снова тренировки, бесконечные поиски новых, более удобных приемов, которыми можно пользоваться при изготовке, прицеливании и выстреле.

Богданов любил искать, потому что любил свой спорт и свое оружие. Не укоротить ли еще немного приклад? Не переместить ли пружину корпуса? Не внести ли в «активный отдым» стрельбу из пистолета? Сколько было проделано экспериментов только для ответа на эти вопросы! А сколько подобных вопросов было, есть и будет!

По поручению комсомольской организации Анатолий руководил в училище спортивной стрельковой школы. Щедро передавая им свой опыт товарищам-курсантам, радовался плодам своей тренерской работы: два года подряд курсанты Ярославского училища занимали на стрелковых соревнованиях первое командное место.

Конечно, у спортивного стрелкового оружия мало общего с теми могучими средствами современного боя, которые изучают будущие офицеры. Но вместе с тем стрелковой спорт помогает курсантам овладевать новейшей военной техникой. Он развивает в человеке настойчивость, хладнокровие, выдержку, волю. Именно эти драгоценные качества в первую очередь необходимы в бою. Вместе с другими советскими спортсменами Анатолий Богданов приехал в незнакомый, шумный, чужой город.

Спортивные корреспонденты, которым хорошо знакомы имя Богданова по олим-

пийским играм, осаждали Анатолия со всех сторон:

— Кто мистер Богданов считает своим главным противником в «боевом стандарте»? Нацелится ли мистер Богданов на победу в стрельбе с колена? Много ли призов рассчитывает получить советская команда?

Олимпийский чемпион не стал отвечать на эти вопросы: все выяснится через несколько дней, все покажут стрельбы.

Тренировки проходили на огромном полигоне «Конкох блинк». Под широкими зонтами и пологими нависами, защищающими от яркого тропического солнца, располагались сильные «винтовочники», «пистолетчики», «трелачники», «калеборный стандарт» — стрельба лежа, с колена и стоя из малокалиберной винтовки. Вот финн Илонен бегисте владений многим видам спортивного оружия. Вот стоит в расцветной летательной рубашке американец Максималь. Там приветственно машет рукой швейцарец Бюрхлер. А в этой крупной фигуре легко узнать шведа Ульмана... Но сколько еще противников, с которыми придется встретиться впервые!

В программу чемпионата входило множество состязаний, но самыми трудными и важными были, несомненно, классические винтовочные стрельбы из трех положений. Сначала размирялись «макскалеборный стандарт» — стрельба лежа, с колена и стоя из малокалиберной винтовки. В составе советской команды, вышедшей на линию огня, был и Анатолий Богданов.

Острела первого же упражнения — 40 выстрелов из малокалиберной винтовки, как силы состав участников чемпионата, так упорна между ними борьба. По 399 очков выдала пятый человек — Боррис (СССР) Кисеберг (Швеция), Ане (Норвегия) Илонен (Финляндия) и Вестергард (США). Богданов выбил только на очко меньше и оказался уже на шестом месте. Обидно за себя, но радостно за товарища: Василий Боррис завоевал первую золотую медаль. Понадвиг точно в «десятку»

у советского спортсмена оказалось больше, чем у других вышедших по 399 очков, и ему присуждена золотая медаль.

Второе упражнение: стрельба с колена. Мешает ветер, слышит яркое солнце, но Богданов старается быть предельно точным. Только четыре его пули из сорока пробивают мишень не в десятку, а чуть сбоку. Выбито 396 очков. Это новый мировой рекорд! Первое место с мировым рекордом занимает в этом упражнении советская команда.

В последнем и самом трудном упражнении — стрельбе стоя — снова побеждает Богданов, выбивший 380 очков. И опять первое место у команды СССР.

Первенство в «макскалеборном стандарте» разгорается и по сумме трех результатов. Наибольшая сумма очков у советской команды — 5 802. Мировой рекорд превышен на 21 очко! В личном же первенстве победа опять у Богданова. Он выиграл в общей сложности 1 174 очка, превысив на 7 очков мировой рекорд пятнадцатилетней давности.

В одном только «макскалеборном стандарте» Анатолий Богданов завоевал три золотые медали чемпиона и установил два мировых рекорда. Таких результатов не добивался еще ни один спортсмен.

Но каково же было удивление многих, когда через два дня Богданов выиграл на старте соревнований по стрельбе из крупнокалиберной винтовки!

— Русский самозлится!, Богданов не выдержит! — предсказывали иностранные наблюдатели и спортивные репортеры.

Анатолий молчал, слушая эти прогнозы. Он сидел в павильоне и готовился к началу стрельбы. Внимательно осматривал пистоны, еще раз проверял механизм винтовки, и вот начался стрельба. Звук выстрела, возмущая о начала состязаний.

В стрельбе лежа Богданов занял первое место, завоевав четвертую по счету золотую медаль чемпиона мира. В стрельбе стоя команда из СССР добилась лучшего результата — 380 очков — и получила вторую золотую медаль.

Свинтовой тяжестью налилось плечо, уставая глаза. Надо срочно отдохнуть, первая половина упражнения. Времени у Богданова, но его расчетам, еще много. Он погулял по стрельбищу, потом вышел обедать. Анатолий еще не встал из-за стола, когда к нему подошел один из наших спортсменов.

— Скорее иди стрелять! Времени не прибавится.

У нас на острел «боевого стандарта» встает шесть с половиной часов и, кроме того, дополнительные час на обед. В Карраке, оказывается, это дополнительно часа не давали. Времени у Богданова оставался в обрез.

На линию огня, как всегда, сплосканным, подтянутым, хладнокровным. Только пережаривая винтовку, Анатолий чаще обычного косился на циферблат хронометра. В упражнении стрельба лежа выбито 380 очков. Это сумми в сочетании с суммой двух первых результатов принесла ему очередную победу. Он выиграл общее личное первенство в стрельбе из трех положений, любил при этом еще один мировой рекорд, завоевав шестую золотую медаль.

Когда прогремела последний выстрел Богданова, зрители бросались обнимать этого великого русского спортсмена.

Конечно, Анатолий был счастлива, горд своими победами. И как радостно было ему сознавать, что его победы способствовали общему успеху всей команды! Богданов завоевал 8 золотых медалей, стал всего их завоевав советскими стрелками 52. Богданов установил три мировых рекорда из восемнадцати, поставленных советской командой.

Оставаясь люди и Венесуэла, и воины Атлантики, и Африка, и Париж, и Прага. Из Москвы Анатолий Богданов сразу же уехал в Ярославль. Скорее за книги, фотографии, схемы. Было много новое серьезное испытание — экзамен в родном училище.

В ЧАСЫ ДОСУГА

ИЗ АЛЬБОМА ВОЕННОГО ХУДОЖНИКА

Боевой листок.

«Играй, мой баян!..»

«Давай закурим,
товарищ, по одной!»

Своя газета.

Интересная книга.

Военная тема — одна из важнейших и интереснейших тем для воплощения художественных замыслов. Мы знаем огромные полки, посвященные жизни, боевой учебе и быту нашей Советской Армии. Многие художники-баталисты с высоким мастерством изображали лучших людей армии-освободительницы, армии, заслужившей всеобщую любовь и признание.

Патриотизм, высокие моральные качества, смелость и мужество, настойчивость в достижении поставленной цели — вот что привлекает нас, военных художников, в советском солдате, лучшем солдате мира.

Вместе с многими художниками студии имени М. В. Громова мне довелось длительное время изучать жизнь советских воинов во всем многообразии их духовных интересов.

В публикуемых на этой странице рисунках отражена лишь маленькая часть этой богатой и разнообразной по содержанию жизни.

Дружба, основанная на взаимной вырубке и заботе о товарище, веселый отдых, неподдельный интерес и оживленному миру, крепкая связь Советской Армии со всей нашей страной и ее героическим народом — вот что привлекло мое внимание, вот о чем хотел я рассказать своими рисунками «В часы досуга».

Художник Н. СОКОЛОВ

Маленьким шедевром назвали зрители танец «Сбор чая и ловля бабочек».

ИСКУССТВО НА

Торжественно, мощно звучит песня «Москва — Пекин». Нет в нашей стране человека, который не знал бы волнующих слов «Русский с китайцем — братья навек».

Пять лет назад был подписан договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и Китайской Народной Республикой. Все прогрессивное человечество отметило принятие этого исторического события. Дружба двух великих народов — это дружба мира. Взаимное уважение и доверие, бескорыстная помощь и поддержка — вот основы вечного союза советского и китайского народов.

Недавно в нашей стране гостил ансамбль Народно-освободительной армии Китая. Каждый выступление ансамбля, где бы оно ни происходило — в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Новосибирске, Сталинграде, — всегда вызвало восторг зрителей. Особенно проинтересовались в исполнении ансамбля произведения, посвященные волнующей теме советско-китайской дружбы, дружбы между простыми людьми всех стран мира.

Огромным успехом пользовались исполнители китайских народных танцев и песни. В отрывке из классической китайской оперы «Царь обезьян» достает оружие во дворе у Царь-дракона, солисты ансамбля показали подлинное народное искусство.

Когда ансамбль Народно-освободительной армии Китая гостил в Рузминь, его выступлениями восторгался Хорват Штефан. Теперь он снова встретился со своими друзьями.

Потрясающий танец «Сбор чая и ловля бабочек». Эта небольшая постановка полна глубокой лиричности и непередаваемого изящества. Девушки собирают с вообразивших кустов листья и складывают их в юрзиночки. Но вот одна из сборщиц чая замечает пролетающую бабочку, начинается веселая охота за ней. И такой задор и оживление на лицах людей, что кажется, видишь перед собой сценку из жизни.

Впрочем, этот танец действительно взят из жизни. Его создали сами крестьяне — сборщицы чая. Понора года назад в Пенгине выступал крестьянский самодеятельный коллектив из провинции Фуцзянь. Балетмейстер обратил внимание на выразительный, поэтический танец сборщиц чая. Было решено поставить его в ансамбле. Постановщики немало поработали, чтоб передать неуловимое обаяние танца, который затем прочно вошел в репертуар.

Богата и разнообразна концертная программа ансамбля. Кроме народных китайских песен и пьесок, в нее входят тансы арки из классических русских опер, польские, норвежские, советские песни. Все номера исполняются темпераментно, выразительно, с большим мастерством.

Ансамбль Народно-освободительной армии Китая создан в 1933 году. Основной состав ансамбля — участники армейского коллектива

Это — одно из самых ярких выступлений ансамбля.

НАШИХ ДРУЗЕЙ

Юго-западного военного округа. Но ансамбль беспрерывно пополняется наиболее одаренными исполнителями кружков самодеятельности из других военных округов.

Большинство участников ансамбля — молодые. Но на гимназистках многих из этих юношей и девушек поблескивают ордена и медали; за их плечами нелегкая, суровая жизнь.

Сиринчато Шань Синь-диюню двадцать один год. С малых лет он работал в шахте, добывая себе средства для пропитания. Тяжела была его жизнь в годы японской оккупации. В 1943 году боится одной из частей Народно-освободительной армии взяли двенадцатилетнего мальчика с собой. Грамоте он научился уже в армии. Когда у Шань Синь-диюню обнаружили незаурядные музыкальные способности, ему позволили поступить учиться. Теперь он один из лучших музыкантов ансамбля.

Двадцатидвуухлетний участник хора Май Минь-зао почти три года воевал в Корее в частях народных добровольцев. Он награжден двумя корейскими военными медалями.

Хористка Чжао Юй-хуа двадцать один год. Но эта девушка уже больше шести лет в армии. Она принимала участие в гражданской войне. Осенью прошлого года Чжао Юй-хуа вступила в ряды Коммунистической партии Китая.

Двадцатисемилетний дирижер Ху Да-фунь участвовал в войне против японских захватчиков. Ему было тринадцать лет, когда его отец — бедный крестьянин — и трое взрослых братьев ушли в Народно-освободительную армию. Мальчик уговорил их взять и его с собой. Ху Да-фунь не раз с винтовкой в руках сражался против японских захватчиков и гоминдановцев. В армии юноша научился играть на скрипке, сам сочинял мелодии к песням. После освобождения страны его направили учиться в консерваторию. Теперь он дирижер хора.

Каждый участник ансамбля обязан армии счастливыми переживаниями в своей жизни. ...С ноября 1952 по январь 1953 года в Китае гости Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии. Его выступления встречались зрителями с большой теплотой. В то время в Народно-освободительной армии еще не было своего ансамбля. И вот теперь, спустя два года, в Советский Союз прибыл на гастроли великолепный творческий коллектив.

Ансамбль Народно-освободительной армии Китая уже широко известен за пределами своей страны. Он несколько раз выступал в Корее, выступал в Румынии, Польше, Чехословакии. И везде его концерты вызвали немалый успех.

В. КУЗЬМИН

Солисты ансамбля, члены Новодемократического союза молодежи Ван Чунь и Гао Чунь-шань исполняют танец «Армянский барaban».

Фото А. Моллецова.

За кулисами концертного зала имени Чайковского овивления. В память своего пребывания в Москве участники ансамбля запечатлевают друг друга на фотоснимках

В свободную минутку двинины заполняются воллукордым запискам о пребывании в Советском Союзе.

Фотоаэрод А. Шерстнева.

НАД БЕЛОЙ ТУНДРОЙ

Михаил СКОРОХОДОВ

***

Все ближе день, когда над горизонтом
Блеснет зarya, но солнце не взойдет.
На Заполярье многоверстным фронтом
Зима во всеоружии идет.

Шагает ночь по ледяным полям
Размеренно, угрюмо, неуклонно,
И в черном небе в такт ее шагам
Колишутся сиянья, как знамена...

***

Над белой тундрой море света,
Но крепко-крепко спит она.
Озера в ожиданье лета,
Наверно, вымерзли до дна.

Морозом высушены ветры,
Покрываются льдами берега.
На десять тысяч километров
Легли полярные снега.

Сурова здешняя природа,
Здесь под ногами вечный лед,
Но сердце на любых широтах
Родную землю узнает.

И всюду радостно трудиться.
Одна семья у нас в стране —

И в Заполярье, и в столице,
И на алтайской целине.

***

Даже в полдень зорька не пробилась,
И луны на небе не видать.
Что-то снова сердце раскопилось,
И ничем его мне не унять.

Далеко — за тундрой, за горами —
Ты живешь, любимая моя,
Долгими полярными ночами
Наши встречи вспоминаю я.

Не нужны мне голубые реки,
Небосвод не нужен голубой,
Пусть мне солнца не видать вовсю,
Только б ты всегда была со мной.

Ты придешь, когда погаснут звезды.
Путь один, одна у нас любовь.
Это все так хорошо и просто!
Что ж ты, сердце, раскопилось вновь?

***

В сиянье полярного лета
Красавица-тундра цветет.
Мы смотрим с тобой, как солнце ночное
В безоблачном небе плывет.

Я знаю, что, если бы снова
Не встретились наши пути,
Полярные ночи не стали б короче,
Цветы бы не стали цвести.

Я помню, как море стонало,
Тяжелые льдины дробя,
Но только не света, не теплого лета —
Оно ожидало тебя.

Все дальше на север уходит
Плывущий нетающий лед.
Мы смотрим с тобой, как солнце ночное
В безоблачном небе плывет...

***

В дни разлуки ветры дуют злее,
Небосвод не блещет голубой,
Но тем краше будет и светлее
День, когда мы встретимся с тобой!

Пусть тогда бушует непогода,
Вновь тебя я на руки возьму,
Выше солнца, выше небосвода —
На седьмом небе подниму!

Остров Диксон.

М. ВОДОПЬЯНОВ,
Герой Советского Союза

Слово юрдое — товарищ!

«Наше слово юрдое — товарищ — нам дороже всех красивых слов» — так поется в любимой советским народом песне.

Замечательное слово — товарищ, — полное глубокого смысла, понятие и дорого каждому из нас. Товарищами мы называем людей, вместе с которыми учимся, работаем, отдыхаем. Все мы, советские люди, товарищи, все мы сообща строим коммунистическое будущее. И к миллионным нашим друзьям за рубежом — к людям, борющимся за счастье человечества, — мы также обращаемся с тем же прекрасным словом — товарищ!

Теплыми и задумчивым именем товарищ называет студент профессора, генерал солдата, директор завода рабочего, колхозник министра. Мы привыкли к этому и не мыслим иного человека к окружающим.

А ведь было время, когда слово товарищ в нашей стране плавилось чуть ли не запрещенным, потому что так называли друг друга рабочие-революционеры, объединившиеся для борьбы с диким самодержавием. В товарищеской спайке и дружбе черпали они силы для тяжелой и опасной борьбы.

Алексей Максимович Горький в одной из своих ранних сказок, названной им «Товарищ», замечательно показал великую силу товарищества в борьбе за освобождение человечества.

В одном городе жили люди. Но вот однажды «в их жизнь, полную глупой, подавленной злобы, в сердца, огравленные многими обидами, в сознание, засоренное вестрой ложью мудрости сильных, — в эту трудную, печальную жизнь, пропитанную горечью унижений, — было брошено простое, светлое слово:

Товарищ!

Оно не было новым для них, они слышали и сами произносили его, оно звучало до этой поры таким же пустым и тупым звуком, как все знакомые, старые слова, которые можно забыть и — ничего не потеряешь.

Но теперь оно, ясное и крепкое, звучало иным звуком, в нем была другая душа, и что-то твердое, сверхъестественное и злобное, как алмаз, было в нем...

И чем глубже смотрела в светлую душу

этого слова, тем светлее, значительнее и ярче казалась им оно.

— Товарищ! — говорили они.
И чувствовали, что это слово пришло объединить весь мир, поднять всех людей его на высоту свободы и связать их новыми узами, крепкими узами уважения друг к другу, уважения к свободе человека, рали свободы его».

«Впервые я услышала слово «товарищ» в том смысле, который мы вкладываем в него, много лет назад, когда мне было около восьми лет. Наша семья жила тогда в Сибири, в маленьком городе Тайшете, окруженном со всех сторон тевскими чапками. Для нас, мальчишек, была первейшим удовольствием бродить по глухим ягодным местам.

Но с некоторых пор мы стали ходить в тайгу с опаской. Вокруг все только и говорили о каких-то как группа заключенных, конвоируемых по этапу, перебила стражу и скрылась в тайге, и было весьма вероятно, что беглецы спрятались где-то неподалеку от города.

Однажды с двумя ребятами, немного старше меня и все же забрался в тайгу довольно далеко. День был в разгаре, но в темной лесной глуши стояла мрачная тишина. Безотчетно поко-

ряясь суровости окружающей нас природы, мы тоже приложили. Стало даже невозможно не себе, но никто, разумеется, и виду не подавая.

И вдруг в тишине мы услышали невинный звук, похожий на стои. Он был очень слаб, этот звук, но мы так испугались, что не могли даже убежать.

Стои или вздох повторился еще раз. Тогда самый храбрый из нас осторожно подошел к кустам. За ним двинулся и я с остальными ребятами. Через минуту мы увидели арестанта в кандалах, который неподвижно лежал под кустом. Глаза его были закрыты. Гнус облепил высокий лоб. Человек казался мертвым.

— Дядя, а дядя, — тихо сказал один из моих друзей, — ты живой или нет?

— Пить!... — жалобно спросил он.

Постепенно страх прошел. Мы впервые

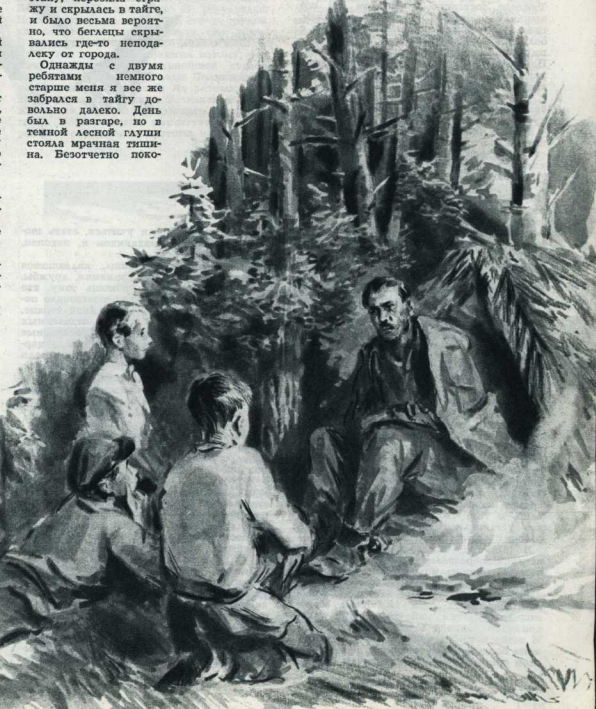

Рисунок
Г. Балашова.

испытала чувство ответственности за жизнь человека. Кто бы он ни был, его судьба находилась в наших руках. Мы один могли помочь ему.

Я помыслил о воде, и когда вернулся с ведром мутной заманеной воды из лесного озера, беглец был уже переброшен на мягкую подстилку из ветвей и мха. Тут только мы заметили, что человек ранен, и перевязали ему плечо кукушкой его же рубашки.

Четыре дня мы почти не расставались с найденным в тайге человеком. Мы сделали для него шашки, варили ему гробушку похобку, приносили из дому хлеб. Беглеца звали Петром Алексеем. Он много беседовал с нами. Когда кто-то из нас, раскрябавшись, задал ему прямой вопрос, за что он арестован, Петр Алексеевич уныло ответил, что никого не убивал и никого не крад. Он сказал, что царское правительство заковывает в кандалы людей только за то, что они хотят сделать жизнь хорошей для всех простых людей — таких, как наши родители и мы сами.

Время стерло из памяти те чудесные беседы, которые вел с нами Петр Алексеевич у костра, но я будто сейчас вижу перед собой шашки в тайге и лица своих молодых друзей, которые слушали его, боясь пошевелиться. В словах спящего нами человека было что-то такое, отчего волновались наши ребячьи души. Мы чувствовали, что судьба свела нас с замечательным человеком.

Петр Алексеевич быстро поправлялся. Тяжелое состояние, в котором мы его нашли, объяснялось не столько ранением, сколько голодом и жаждой. Мои друзья с большим трудом встали в Тайшетке на ноги и помогали переплывать кандалы. Потом всякими правдами и неправдами раздобыли для Петра Алексеевича кое-какую еду.

— Мне бы только до Красноярска добраться, — сказал беглец. — Там мне допустят паспорт, и начну жить снова!

Настал час прощания. Мы стояли у потухшего костра, среди огромных сосен и кедров. Наступила вечер, и тайга казалась спящей, черной стеной. Петр Алексеевич обнял нас за плечи, привлек к себе.

— Я вас никогда не забуду, дорогие мои ребята! Спасибо вам, вы настоящие товарищи...

Товарищи! Я, конечно, тогда не понял всего смысла этого замечательного слова, но все же почувствовал, что это очень хорошо, когда тебя так называют.

Прошло немало лет, прежде чем мне снова довелось услышать дружеское обращение — товарищ! Ведь трудное и откровенное мое протекло в это время, в царской России, где, как и во всем капиталистическом мире, в царской России слово «человек человеку — враг». Об этом времени Владимир Ильич Ленин так говорил: «Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабнишь другого, либо другого грабят тебе, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладец, либо ты раб...»

Последние годы перед революцией я жил в глухой деревне на Тамбовщине, целиком находившись во власти кулаков-помещиков. Почти все крестьяне были истратомы, и сообщения из городов, где шла борьба за освобождение трудящихся, доходили к нам с большим опозданием и сильно искаженными. Но и до нас дошла весть о том, что произошла революция, что установлена новая власть — власть рабочих и крестьян.

В 1918 году я, деревенский паренек, вступил добровольцем в Красную Армию, пошла защищать молодую нашу Родину. Когда я пришел в воинском, меня назвали товарищем. И в дивизионе тяжелых воздушных кораблей «Илья Муромец», куда меня направил на службу, Владимир Ильич Ленин говорил о том, что и видеть потом и чувствовать, что вокруг меня были друзья, товарищи, готовые во всем помочь. Мне, как и тысячам других

книшкой, они помогали учиться, стать шофером, потом бортмехаником и, наконец, летчиком...

Дорогое слово «товарищ», являющееся выражением доверия, уважения, дружбы, готовности прийти на помощь тому, кто в ней нуждается, победило шествовало после 1917 года по нашей великой стране. Не сразу дошло оно до отдаленных окраин, где жили угнетенные, бесправные малые народности, которых прежде царские чиновники презрительно называли «инородцами». Но постепенно это слово вошло и в их жизнь. И надо было видеть, с какой любовью проносили они его.

Однажды в далеком и глухом крае слово «товарищ» спасло меня, а моему другу открыло большую светлую дорогу.

...Это случилось более четверти века назад на Крайнем Севере, в самом центре заснеженной неведомой тундры, простирющейся от гора Белого моря до Енисея. В те годы на Севере самолет, ставший в наши дни привычным и удобным средством сообщения, был редкостью. Я исполнил тогда роль «воздушного кавера» — возчика тундры, — перебрался с места на место немногочисленных советских работников, врачей, учителей, доставая почтой и радиообразные грузы.

Получил очередное задание, я вылетел на воздушную разведку, чтобы наметить трассу предполагаемой авиалинии. Погода была отличной. Но, пролетев несколько десятков километров, я увидел, что моему «летному полету» пришло конец. Самолет вошел в полосу сильной снежной бури. Какая-то невидимая сила подхватила машину, поднимала ее вверх, а по-

том неожиданно бросала вниз, да так, что до предела натягивались ремни, которыми я был привязан к креслу. Самолет был беспомощен, как щепка на бурных водах. Не теряя надежды вырваться из этого ада, я снизился и пошел бревенчим полетом.

Пого мойкой была ровная гладь опаленного белого снега. Трудно определить на глаз высоту полета, не за что зацепиться взору. Снегопад не прекращался. Воздух и земля сливались в одну белую массу. Белизна слепила глаза. Казалось, что снежный покров сам излучал свет. Хотел бы какой-нибудь ориентир впереди! Высота я летаю малю, я не знала. Внезапно раздался оглушительный треск — это самолет на высоте зацепился крылом за землю. От сильного удара я потеряла сознание.

Для того, чтобы читателю стало ясно, почему я осталась жив и не замерз в тундре, мне придется сделать небольшое отступление.

— В этот день молодой ненец Ваули очнулся торпаша и то и дело погонял своих оленей. Об быстроты бега оленей зависела его судьба, его счастье.

Впереди его ждала Айна — самая лучшая из всех девушек тундры. Айна и Ваули росли вместе. В стойбине не было лучших друзей. В детстве они вместе играли, а когда подросли, вместе ходили на охоту. Все в тундре знало о том, что Ваули и Айна полюбили друг друга и должны стать мужем и женой.

И вдруг молва — этот телеграф тундры — донесал до чуша Ваули страшную весть: отец Аины решил выдать свою дочь замуж за богача Ваули; новый жених уже внес за девушку большой выкуп. В стойбине Выхки готовится свадебный праздник. И вот Ваули, бросив все дела, отобрал самых быстрых оленей и помчался на выручку любимой девушки. Он должен был успеть. Он не имел права опоздать. Ваули знал, что русские люди привнесли в тундру новый закон, по которому никто не может отдать девушку замуж насильно.

Нарты мчались, как ветер. Но что это впереди? Острый глаз охотника издала заметка, что-то беформенное, черное. Все блже и блже странней колам, выросший в тундре, и Ваули на полном ходу затормозил нарты.

Перед ним валялись запущенные снегом куски дерева и железа — то, что осталось от самолета. В снегу, скрытый по пояс обломками, лежал «крылатый» человек.

Взгляды сплывали с мертв, расстеленная меховой комбиназон летчика и приаждила ему к груди. Сердце чуть слышно билось.

— Куда же везти спасенного? Назад, к себе, — самый короткий путь, всего лишь несколько часов езды. Но если отвезти его в чужую, то обязательно опоздаешь на праздник и Айна останется старому Вьялке. Что же делать?

— «Может быть, оставить «крылатого человека» здесь, сделать ему шалаши, положить еду, — думал Ваял, энергично растирая лицо и руки летчика. — Дня через три я буду ехать обратно, вместе с Айной мы заберем тогда его к себе в стойбище.»

В этот момент летчик раскрыл глаза и всматривался в лицо Ваяла.

— Товарищ, товарищ, пиши...

И это слово «товарищ», совсем новое слово в тундре, рождало все. Товарищ! Разве мог оставить Ваялу товарища! Выбор был сделан. Остатки комбинзона оленей, лежавшие на нартах летчика и отправленные назад по своему же следу.

Так я попал в неожиданный чуж. В чуже Ваялу было тепло. Сакка пощипывала глаза от дыма костра, разведенного на расстоянии. Ваял, энергично растирая оленьих шкур. Охотник полагал меня горячей кровью только что убитого оленя — прекрасным лекарством от многих недугов.

Здоровье мое быстро поправлялось. Ваял, его мать и младший брат оказывались отличными, заботливыми сиделками. Лучший погонщик на оленях и безстрашный охотник тундры, мой спаситель Ваял все хлещет меня по щекам, приговаривая:

— Нишаго, карошно.

— Он был очень грустен, мой новый друг, и, мрачно уставившись на огонь, курию одну трубку за другой. На мой вопрос, что с ним, он рассказывал историю.

Под вечер четвертого дня в стойбище раздалось характерное позвякивание медных ботал — колокольчиков, которые подвешиваются на шею оленям. Звон замер у самого чума Ваяла.

Поднялась покрывала входа, и в чум вбежала раскрасневшаяся от мороза очень красивая девушка.

— Айна! — вскрикнул Ваял.

Да, это была невеста Ваял, которую убивала от отца и от старого Вьяла...

Еще через несколько дней караван нарт тронулся из стойбища в дальний путь, в Нарьян-Мар. Я взял Ваял и Айну с собой на «Большую землю». И всею дорою молодые люди говорили о том, что их ждет в бургуэне.

Семь лет спустя мне довелось доставить на самолете в Нарьян-Мар выпускников Ленинградского института народов Севера — Ваял, его жену Айну — и их маленького сынишку.

А вскоре ко мне пришел послышка его старой белой медведицы от Ваял — задушевного «соавторства». Он стал готовить кадры интеллигенции для преобразенной ненецкой тундры.

«Древняя мечта о братстве, товариществе простых людей стала в нашей стране прекрасной действительностью. Старый закон жизни «человек человеку — враг» давно ушел в нас свой век. На смену ему пришла другой, нерушимый закон: «человек человеку — товарищ».

Взгляды людей нашей страны хорошо знакомо прекращено к числу товарищества. Оно приходит к ним еще в детстве, сопровождает в отрочестве, помогает в юности жить и трудиться. Это чувство задушевно в самой природе нашего государства, которое являет собой невиданный пример великого служения милаионов людей, стремившихся к общей для всех цели.

Владимир Ильич Ленин сразу же после установления Советской власти приказал: «Мы будем работать, чтобы внедрить в

привычку, в повседневный обиход массе правило: «все за одного и один за всех». В наше время это правило определяет отношения, широко вошедшие в жизнь милаионов людей.

Один за всех и все за одного — в бою, в труде, в учебе, в отдыхе и в веселье, в большом и малом — так живут и действуют советские люди. Великое чувство товарищества помогло Александру Матросову совершить свой бессмертный подвиг: он закрыл грудью амбразуру вражеского пуля, чтобы дать возможность бойцам своей части подняться в атаку. Это чувство дало бойцам Леонидом Мешковым, когда он в раздробленном плечом вылез через Волгу, поддерживая раненого товарища.

Не одной стране и виду не встречались такой спайки, товарищества, взаимовыручки, как в нашей стране. Правда, и в нашей среде иногда встречается люди, которые способны оставить товарища в беде. Об одном случае, взволновавшем меня, я уже рассказывал на страницах «Московского комсомола», потом мою статью «Трое в тайге» перечитали многие комсомольские газеты страны.

И не буду сейчас подробно излагать события, происшедшие в тайге их, вероятно, помнят многие читатели. Это случай произошел в сентябре 1955 года близ реки Берхний Турухан, в Эвенкийском национальном округе Красноярского края. Студент Черновозского университета Сильвестр Максимов и техник-оператор Геннадий Круглов бросили в беде товарища Владимира Полякова. В результате, Поляков едва не погиб, его с трудом удалось спасти, ампутировав ему ногу. В двадцать лет он остался инвалидом...

Об этом случае я вспомнил потому, что хочу рассказать о дальнейшей судьбе молодых людей. У Володи Полякова появились много друзей. Из разных концов страны ему писали знакомые прежде люди, присылали подарки, звали в гости. В Московском институте протезирования ему сделали протезы, на которых

он научился ходить. Министерство социального обеспечения назначило ему повышенную пенсию, выдало мотоцикл. Поляков стал учиться на курсах радистов.

А что же случилось с Кругловым и Максимовым? События, поступки и труды всегда вымывают у нас презрение. Вот почему так много гневных и горячих слов было высказано в адрес Максимова и Круглова. Немало трудных дней пришлось пережить им, и, конечно, по заслугам.

Но тем и сильно наше общество, что в нем не отворачивается от человека, если он искренно хочет испустить свою вину. Такого человека коллектив всегда направит на верный путь. Именно так произошло с Максимовым и Кругловым. Суровые слова товарищей помогли им правильно оценить свой проступок. Оба они по-прежнему в тайге, как тяжело переживает случай, как глубоко осознали они свою вину. И по их лицам я видел, что говорят они искренно, от души.

Сильвестру Максимову разрешено окончить университет. Сейчас он работает геологом в Томском Круглов был призван в Советскую Армию. В одном из своих писем он писал:

«Я еще молод. Мне 18 лет. Впереди у меня вся жизнь. Тяжело и больно, что на совести лежат позорные пятно... Можете не сомневаться: навсегда запомню полученный урок. Теперь, какая бы опасность ни угрожала мне, никогда, ни при каких обстоятельствах не струсю, не смею опуститься. Какими, что с чество буду носить будни, которые вручила мне Родина...»

Этим молодым людям я по-настоящему верю. Если меня спросит, пойдут ли я теперь в труднейшую экспедицию бок о бок с товарищем Максимовым или в случае необходимости встану ли я в одном строю с товарищем Кругловым, я, не колеблясь, отвечу:

— Да!

«На фотонорме»

Художник Крайнего Севера

мин. Уют и тепло идут охотника. Он хорошо отдохнет и спокойно лежит позорное пятно... Могут не сомневаться: навсегда запомню полученный урок. Теперь, какая бы опасность ни угрожала мне, никогда, ни при каких обстоятельствах не струсю, не смею опуститься. Какими, что с чество буду носить будни, которые вручила мне Родина...»

Интерес творческий путь молодого художника. Детство провел он в одном из селок Эвенкийской области, сейчас расположен в районе Учалы в школе, он оформил стенную газету, а вскоре его пригласили в редакцию «Крайней интеллигенции», в которой В. Мешков начал работать на иллюстрацию портреты староженов, рисунки, натюрморты.

Сейчас Мешков работает над новыми работами, над теми, которые так интересны и близки людям трудящимся Севера.

И. СЮРКОВ

г. Ачинск, Красноярского края.

«Поздний гость».

УАЗЫН ЧУДЕСНО

Б. ЧЕРТКОВ

сад. Они сели под вишней, той самой вишней, которую Ваня и зметел с другими ребятами посидишь шесть лет назад, а первый год пребывания в детском доме.

— Так ты не решил еще, кем станешь? — спросила Людмила Ивановна.

— Не знаю, право, — ответил он. — Мыслил много. А вот что лучше, не выберу.

— Кем был твой отец? Извини, что я и напомяну, но ты ведь уже взрослый! — язвико сказала Людмила Ивановна. — Он, кажется, на шахте работал!

— Да, горняк.

— А как по-товою, был ли твой отец счастливым в жизни?

Ваня задумался. Счастливы? Он много работал, приходи домой уставый, но как всегда светились радостью. Отец был высокий, сильный. Посадил, бывало, Ванюшку себе на колени и рассуждал дилемные сказки об одном из мастеров: один блоку удалось подковать, другой знал секрет стали-булатна. Да, отец был счастлив. Испония Ваня его писатель. Показывал Ване свои рассказы счастье свое, вожмоиню, всех остальных людей.

Уже и верхушки деревьев потемнели, а они все сидели под вишней, ждали чуда, ждали, чтобы не быть, зационимся այս տղան, Говорили о труде, о великом призвании рабочего человека. И Ваня Воробьев нашел ответ на вопрос: «Кем ты должен не делал вой покою.»

Быстро пролетели два года. Ваня окончил в городе Воронежском ремесленном училище. Вместе с ним там занимались и артисты Анатолий Подлужный и Нина — стройная девушка, которой приятели наперевы посвящали свои стихи. Все они стали электросварщиками.

Еще в ремесленном Ваня узнал о своей специальности много интересных вещей. Электросварка, изобретенная русским ученым и названная им «чудесным огнем», занимает сейчас в промышленности необыкновенно важное место. Если нужно соединить в одно целое, например, две железные трубки, сваривают электрической дугой. Нет такого завода, где обходился бы без сварки. Сооружают ли корабли, собирают ли турбины или строят высокие здания — всюду вызывает потребность своего электросварщика.

Но «чудесный огонь», оказывается, бывает очень непослушным, и него своеобразный характер. Иной раз так заиграется, что просто бред не ложится шов, как надо, плохо закрепляет металл. И зационимся այս տղան, Ваня решил, что надо сначала узнать характер «чудесного огня», покорить его с таким же упорством, с каким он в юношеских мечтах собирался покорять ледяные просторы Арктики.

Но дело оказалось не таким простым, как он думал. Уже на первых порах Ваня убедился, что электросварщику, хотя он и рабочий, нужен хороший физик. Он должен прежде всего знать физику. Весь процесс сварки свя-

зан с электротехникой, представляет собой электротехнические разряды в газовой среде. Разряды происходят за счет расщепления атомов воздуха. А как здесь обойтись без химии, если расплавленный металл в момент сварки окисляется и необходимо его от этого уберечь? Но и это не все. Надо еще знать и металлосведение. У каждого металла свои свойства, свой химический состав. Поэтому он ведет себя при сварке. Следует к этому добавить, что в ремесленном училище Воробьев получил сведения не только электросварщика, но и газосварщика; а тут нужны еще другие дополнительные знания.

Таким образом, собравшись покорять «чудесный огонь», Ваня должен был вооружиться множеством книг, овладеть сложными науками.

В ремесленном он успел научиться. И вот однажды вместе с Анатолием и другими ребятами Ваня пришел на строительную площадку.

Высоко кверху поднимались несложные конструкции. Множество лесенок и перекладов изогнутый железный остов будущего здания. Всюду, на каждом выступе, на каждой балке, всплывали ослепительные искры. Вокруг и мирлады искр весело сыпались вниз.

Здесь работали не просто сварщики, а сварщики-верхолазы — в смысле, что они могли выдвигаться на большую высоту. Ваня слышал о них и раньше; верхолазы представлялись ему необыкновенными, бесстрашными людьми.

Иногда, конечно, и веревки поручили работу винту и к тому же несложную. Он взял щипцы с синим стеклом, вставил в держатель электрод и начал сваривать стальные брусья. Другой кто-то тронул его за плечо:

— Неважно у тебя получится, сынок.

Воробьев оторвался от щипца и оглянулся. Перед ним стоял парень чуть постарше его самого.

— Сами здесь, патшал! — не без досады ответил Ваня.

— Кто? — спросил, примирительно сказал тот. — Давый познакомимся. Я Голубев Алексей.

— А я Воробьев. — Он спознавшись, даже не назвал своего имени. — Как ты говоришь? Голубев! Тот самый Голубев, знаменитый!

— Брось чепуху молоть. Подумайшь, «знаменитый», знаменитый! Это ты, должно быть, в газету проку выдумал вычитал!

— Все мы в ремесленном училище, — подтвердил Воробьев, с любопытством разглядев собеседника. — Вот ты говоришь Голубев! Давый покажи, как здесь нужно шов накладывать, — перебил его Голубев. — Прежде всего надо силу тока чуть уменьшить, а электрод вставить дуга и потеле пробовать — сварить ступенчатый шов. — Он наклонился над брусьями, какими-то неуловимыми движениями притронулся к ним электродом, вступил дуга и потеле тонкая струя расплавленного металла. Она ложилась ровной

лентой; каждая капля застыла в так, так этого хотел Голубев. Его руки «чудесный огонь» казались робким и послушным. Воробьев смотрел, как зарывающийся. «Вот бы и мне так!» — позавидовал он. Словно угадав эти мысли, Голубев спросил:

— А потоложный шов хочешь научиться делать?

— Конечно, хочу.

— Посиди минутку, еще узнаться. Ну, я побуду. Работа не ждет.

Вскоре Воробьев увидел, как его новый приятель — на мыслях он уже так его называл — заступил на себе широкий пояс с толстыми кольцами и быстро стал взбираться по желанному конструкциям. Он лез, как воздушный тигрант в цирке, — легко, непринужденно. «Должно быть, верхолаз», — решил Воробьев. — И даже про это не сказал! Как же я могу у него поучиться! Он так высоко лез, сверху работает, а в здесь, внизу!»

— Снова они встретились только через несколько дней и вот при каких обстоятельствах. К Воробьеву пришел друг Анатолий Подлужный и по секрету сообщил, что он собирается стать верхолазом.

В доказательство Анатолий растегнул спонсору и показал металлические кольца. — Вот, — твердо, уверенно, бросил его за негодностью, а он подобрал и прикрел к своему обычному ремню с пряжкой, на которой были буквы «ГУ».

— Мальчик, куда вы! — остановился Нина, когда они проходили мимо ее рабочего места. Она была в комбинезоне, из-под косынки выглядывали маленькие голубые глаза.

— Голубев! — проведя, — предлоиню.

— Давый полезем! — решительно согласился Ваня.

— Мальчик, куда вы! — остановила их Нина, когда они проходили мимо ее рабочего места. Она была в комбинезоне, из-под косынки выглядывали маленькие голубые глаза.

— На вертоутру, — небрежно ответил Анатолий. — Отметка сорок лет метров. —

Об том, как ребята не поудили, не отступил уже было поздно. Первым полез Анатолий, за ним — Ваня. Они перебрались с перекладинами на перекладинах, а Ваня на балку. Ваня посмотрел вниз и какую-то секунду почувствовал себя беспомощным. Они стояли на краю балки, там, где кончалась стена и начинался свободный воздушный поток.

Предлоиню проити несколько шагов, балансирю, а потом снова взбираться по лесенке. Ваня еще раз взглянул вниз. Ваня посмотрел вниз и какую-то секунду почувствовал себя беспомощным. Они стояли на краю балки, там, где кончалась стена и начинался свободный воздушный поток.

Предлоиню проити несколько шагов, балансирю, а потом снова взбираться по лесенке. Ваня еще раз взглянул вниз. Ваня посмотрел вниз и какую-то секунду почувствовал себя беспомощным. Они стояли на краю балки, там, где кончалась стена и начинался свободный воздушный поток.

Предлоиню проити несколько шагов, балансирю, а потом снова взбираться по лесенке. Ваня еще раз взглянул вниз. Ваня посмотрел вниз и какую-то секунду почувствовал себя беспомощным. Они стояли на краю балки, там, где кончалась стена и начинался свободный воздушный поток.

Предлоиню проити несколько шагов, балансирю, а потом снова взбираться по лесенке. Ваня еще раз взглянул вниз. Ваня посмотрел вниз и какую-то секунду почувствовал себя беспомощным. Они стояли на краю балки, там, где кончалась стена и начинался свободный воздушный поток.

Предлоиню проити несколько шагов, балансирю, а потом снова взбираться по лесенке. Ваня еще раз взглянул вниз. Ваня посмотрел вниз и какую-то секунду почувствовал себя беспомощным. Они стояли на краю балки, там, где кончалась стена и начинался свободный воздушный поток.

Предлоиню проити несколько шагов, балансирю, а потом снова взбираться по лесенке. Ваня еще раз взглянул вниз. Ваня посмотрел вниз и какую-то секунду почувствовал себя беспомощным. Они стояли на краю балки, там, где кончалась стена и начинался свободный воздушный поток.

— Кем был?

Этот вопрос Ваня Воробьев так же, как и многие его сверстники, не раз задавал себе, когда ему исполнилось семнадцать лет. — Да же смешию, как он раньше этого не сообразил!

— Конечно же, буду капитаном! — Ваня сидел в усадьбе у реки. Многие проплывали небольшие баржи. — И вот эта баржа уже превратилась в большой ледокол, река разлилась, стала безбрежным океаном, и ледяные льды преградили путь кораблю. «Позный вперед!» — командовал отважный капитан Иван Воробьев и до боя в глазах всматривался в полярную ночь. Ветер обжигал лицо, гудит мачты.

— Вперед! — самообзвонно закричал Ваня, в мечтах витая в океане.

— Но вперед, а назад ты! Быстрей! Ключев ветры! — оклинули его дружок Толя Подлужный. — Ну и рыбка!

Мечта рассеялась, как дым. — Друга решили испробовать. «Ему хорошо», — думая Ваня, наблюдая, как ловко Толя сделал стойку на песчаном берегу, а потом нырнул и поплыл брасом, оставляя за собой пенный след. — Есть у человека призвание — будет спортсменом. А я кем буду?

Когда они возвращались с реки, направляясь к детскому дому, будучи спортсменом объяв друга за плечи и доверительно сообщил, что он решил стать... актером. К выпускному вечеру он даже притопил монокль Арбенниа. Анатолий остановился на узкой тропинке, скрестил руки на груди и начал читать:

Послушай, Нина... я рожден С душой кипучею, ван лавя, заведу на распутные, творца Она, или знамен... —

— А, кстати, Нина поступает в ремесленное училище, — перебил его Ваня. — Она мне сама сказала. И вообще ты не о чем-то про нее всякие стихи читай... Пошли, на завтра опоздаем.

Речь, конечно, шла не о перматовской Нине, а о той, которая сейчас их встретит в столовой и, наверно, съест!

— Мальчик, надо воды для стирки носить. Людмила Ивановна просила... —

Шли последние дни пребывания в детском доме. Директор Людмила Ивановна как-то позвала Ваню Воробьева и вышла с ним в

укора. Они объяснили, что тоже хотят быть сварщиками-верхолазами и вот решили попробовать.

— Для этого надо технику безопасности изучить, все приемы, — возразил Голубев. — Что вы думаете, мы без головы лазать? Ну ладно, этому еще научатся...

И научились. Когда закончили младшие электротехники, Воробьев уже получил право работать на высоте, да и сваривал он металл куда лучше прежнего. Потом все они вместе с бригадиром Голубевым побывали в другом городе — Литичево, переоборудовали завод, затем оказались в Казани на реконструкции машинного зала электростанции. Здесь у Вани познакомился еще один учитель — Петр Алексеевич Лопухов, один из лучших сварщиков страны.

Петр Алексеевич — человек поживой. Верхолазными работами не занимается, но зато нет такой тонкости сварочного дела, какую бы он не знал. Если Голубева на стройке называли профессором, то Лопухова непременно — академиком. У них-то обилие Вани и не хватало. У него искусство поточного шва — очень сложной работе. Надо, чтобы капли расплавленного металла не падали вниз, а, наоборот, устремились вверх и ослепительно бликнули в лучах местной ровной лампы. Воробьев подолгу после смены оставался на стройке, все практиковался и практиковался. Он научился выбирать правильные технические режимы, силу тока, марки электродов. С каждым днем он постигал все новые секреты производства.

Был с ним в Сызрани на одной стройке случай, который крепко запомнился. Там опять они работали вместе с Анатолием Подлужным. Анатолий прослышал, что администрация завода ищет человека, который сумел бы снять копоть на верхушке трубы. Газорезки там полтора метра сажи. Даже не верилось. И решили друзья проверить, так ли это. Думали они недолго и вздохнули на трубу высотой в 75 метров. Страх теперь не было — одно любопытство. Но зато, когда они спустились вниз, начался неприятный. Вызывая начальника стройки, разглагольствовали на манером старого бюро. Объяснили им, что лихачество — не доблесть.

— Лучше бы ты о дипломе позаботился, — сказали тогда Воробьеву старшие сварщики.

Он и сам об этом мечтал. Ведь известно, что сварщики бывают двух категорий: такие, которые выполняют сравнительно несложную работу, и дипломированные, имеющие высшую квалификацию. Им разрешается сваривать самые ответственные детали и конструкции, выдерживающие большую нагрузку. Получив диплом, уходит тем, у кого не только хорошая практика, но и солидный теоретический багаж. Воробьев научился как и начал готовиться. А в то время как раз его пошла работа в Ленинграде, предприятие, которое занимается монтажом оборудования для электростанций. Он уже было

узнал о специальных курсах сварщиков, но неожиданно его пригласил к себе и управивший.

— Вот что, молодой человек, — сказал он, — придется на время отложить и знакомство с Ленинградом и курсы. Собирайтесь-ка лучше в дорогу. Надо поехать в Эстония. Работа срочная. Будем варить газом. Да, вот еще что. Там работает сварщиком Новиков. Он, можно сказать, лучший сварщик на стройке. Придется с ним помериться силами. Это и будет ваш первый экзамен на диплом.

Воробьев приехал на стройку, ознакомился с работой. Предстояло сварить газом в котельной установку тысяч труб. Все бы ничего, да вот Новиков показал свой характер с первого дня.

— Молод ты, брат, за такую работу братись! — сказал он, познакомившись с Воробьевым. — Не советуем. Да и не заработаешь здесь ничего.

— Нормы, должно быть, большие!

— Я их сам устанавливаю, — похвастался Новиков. — Пятьдесят стыков в день даю, и хватит. Вот моя норма...

— Но ведь работа срочная. Можно быть, больше можно сделать!

— Попробуй, — последовал уклончивый ответ. — Только больше меня еще никто не выработывал.

Он приступил к делу. Как ин старлся Воробьев, но в тот день сварил только сорок труб. Малой Новиков ревниво наблюдал за ним и поспеивал: зря, мол, парень, старешься. А Воробьев после работы раскрасил черной краской книги. Давно ему не приходилось варить газом, надо было кое-что вспомнить. Потом подумал, как лучше организовать рабочее место, набросал эскиз приспособления к газовой горелке, решил пользоваться таким наконечником, который бы давал сильное пламя.

С каждым днем результаты становились лучше. Новиков уже не смеялся о копейке лапой. Он тоже подналег, делал шестидесять стыков. Но молодой сварщик немного обогнал его. В иные дни он сваривал по сто двадцать труб. Работу, которая была рассчитана на три месяца, Воробьев выполнил за семнадцать дней.

— Кончили он курсы сварщиков в Ленинграде, на патрон сдал экзамены, много дел в лаборатории Политехнического института. И стал Ваня Воробьев дипломированным сварщиком седьмого разряда, орденом «Знамя коммуниста». Сюда возвращался города и стройки.

Сейчас Воробьев занят интересными, можно сказать, научными делами. Недавно его пригласил к себе инженер их предприятия Иван Иванович Логинис.

— Вот хочу подарить вам, — сказал он, вынимая из шкафа книжечку. Книжечку-то издали плод моих трудов.

Воробьев прочитал заголовок: «Электродуговая сварка труб малых диаметров».

— Как же так? — удивился он. — Ведь малые диаметры всю жизнь свариваю газом...

— В том-то и дело, что всю

жизнь. А я в этой книжке показываю, что можно и электринством сваривать. Будет быстрый и экономичный. А вас прошу вындрить мой метод практически.

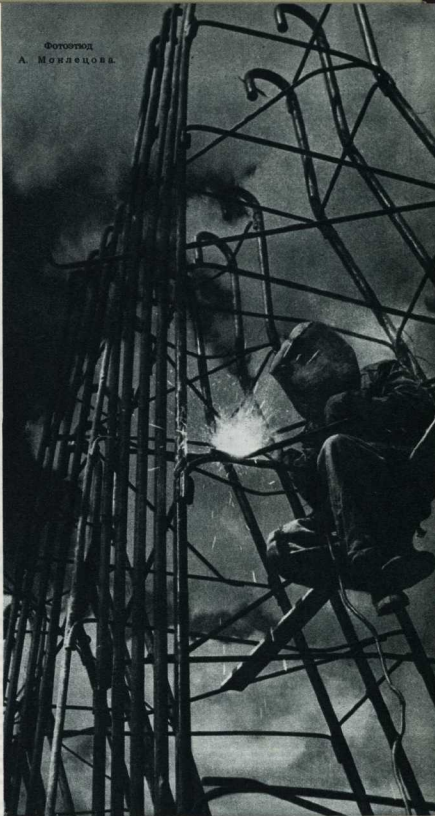
Они долго говорили о том, что в электросварке еще многое не изредано, чудесный огонь может принести людям еще большую пользу.

— Я тоже был когда-то сварщиком, — прощаясь, сказал Логинис. — Все свои наблюдения записывал. И вам рекомендую. Может быть, и вы когда-нибудь подарите мне свою книжечку.

Возвратившись домой, Воробьев сел писать письмо. Девушка с голубыми сверчками работает сейчас на стройке в другом городе. Он написал ей, что обязательно будет помогать инженеру Логинисову, что тоже займется научной работой. Было радостно на душе. Радостно потому, что трудится,

что нашел свое призвание, место в общем строю...

У Ивана Воробьева хорошая специальность. Впрочем, так, наверное, говорит каждый о своей профессии. Как это замечательно, когда строишь, создаешь что-то новое: электростанцию или дом, станок или машину; знаешь, что твой труд делает Родину еще более могущественной! Воробьев бывает во многих городах, на многих новых электростанциях. Заберется парень высоко-высоко на железные конструкции, посмотрит оттуда — кажется, всю страну видит. Прокладывают новые железные дороги, возводят жемчужные заводы, а на широких кованых полях гудают машины, и везде нужны люди — люди грамотные, технические, подготовленные, смелые в творческих поисках, способные управлять техникой и двигать ее вперед.

КОЛОКАМЕ

Рассказ

Маленькие рассказы на языке урду я писался еще, еще будучи учеником начальной школы. А познее, в колледже, я стал писать стихи и рассказы на английском языке. Многие из этих стихотворений появились в рупийском журнале, издававшемся в колледже. Это мое первоначальное страстное увлечение поэзией было очень велико. Я сочинял восторженно и в пылких стихах о любви, вставая печальными вечерние сумерки и романтические лунные ночи. В моих стихах присутствовали и дожди, и сны, и затерявшиеся в бездорожье путники, и безмятежность. В течение почти двух лет у меня нагорилось около трехсот стихотворений. Их язык я выбрал пылким, на мой взгляд, самым лучшим, асуратою называя их на машине и закончив в роскошный переплет с золотыми тиснением.

Это было в 1934 году, когда великий индийский поэт Рабиндранат Тагор приехал в Лахор на конференцию пенджабских студентов.

Познакомившись великолепно поэту, который сидел в кресле в черной бархатной тоге и таной же шлоном, я впротути ему свой тобою томик и сказал:

— Я пишу стихи и короткие рассказы. Я прошу вас, чтобы вы посмотрели на вас и получить совет.

Он встретил меня радущим, его бошине, уныло, а затем, сразинируя улыбки, он спросил меня с сердечной добротой:

— На каком языке ты пишешь, дитя мое?

— На английском, — ответил я.

— Ты это говоришь серьезно? — удивился он.

— Да, на английском, — повторил я с гордостью.

— У тебя родной язык канюи? — я знаю урду так же хорошо, как английский? —

— Какой всетаки твой родной язык? — спросил он снова, но уже более строго.

— Урду, канюи, — пробормотал я.

— Я спрашиваю, на каком языке разговаривает твой отец маты? — опять задал мне вопрос поэт.

— Да на пенджабском, — ответил я.

— В таком случае и пиши на пенджабском, — повелительно тоном спросил он, и его бледное лицо, обрамленное серебристой бородой, вспыхнуло румянцем заученной улыбки. — Если ты не успеваешь научиться у матери родному языку, то возвращайся к ней и научись, а потом у отца. Если ты хочешь стать истинным писателем, то пиши на языке своего народа. Ты молодец, конечно, писать на английском, французском или испанском, — словом, на каком угодно языке, только важно, чтобы будешь называть литературой.

Сказав это, Тагор вернулся мне в

Будущие принадлежат молодежи. Индийские юноши и девушки заодно с молодежью Советского Союза о борьбе за мир и счастье на земле. Я протягивая руку дружбы и любви молодым людям Советского Союза и приветствую восходящую звезду юности, сдержанно над вершинами холмов.

Балант Гари.

росноже перелетелный сборник, даже не раскрыв его.

— Я возвращаюсь домой подавленным настроением. Меня обидел совет Тагора. Мне казалось, что нельзя так черство относиться к юным поэтам. Такое отношение может только погубить их талант, — подумал я.

В тот день у меня даже возникла мысль уехать в Англию и, посылить там, писать тобою на английском языке, пока не достигну художественного совершенства. Совет Тагора — вернуться в деревню и жить там среди полуразвившихся слепоглазых хижинок — не представлялся мне привлекательным. «Английский язык», — думала я, — богат и велик, а мой родной язык беден. Послулю я слепо верить в это, но ты решишь продолжать писать стихи по-английски, но в Англию, конечно, не поехал.

Я целиком посвятил себя литературному труду. Читал произведения иностранных писателей и мастеров

художественного слова родной страны, а также лучшие образцы народного творчества. Опыренными изучал вероисповедания Гуронгу, читал Чехова, произведения индийских писателей — Горуло, Шолохова. Особенно глубокое впечатление произвело на меня «Одесса» Горького. Это произведение открыло мне богатства любви и гуманности, таившиеся в душе народа. Я понял, что величайшие художественные творения могут рождаться лишь тогда, когда писатель тесными узлами связан с народом и пишет на своем родном языке. Два года прожил в среди убогих хижинок, общался с кузнецами и сапожниками, с теми из моих шлоных друзей, которые не расставались с ржавесом, унаследованным от моего чарла. Я изучал пенджабский язык не столько по необходимости, сколько из неисконяемого богатства из устной народной речи. Линной, колоритный язык деревенских стариков, дубинщиков мюи и крестьян родной деревни, который обогащало мое творчество.

Первый рассказ на пенджабском языке был окончен в 1940 году. А уже в следующем году, занявшись преподаванием народного театра, я начал писать и писать на родном языке. Чем дальше, тем сильнее я убеждался в том, что мой родной язык составляет одно целое с моим народом.

Я находил невыразимую прелесть в своеобразном лексиконе матери. Даже в самые истычательные моменты, и тогда она почему-либо брала слово, которое означало, что выслушал поток удивительно красочных, но разноречивых, обиходных слов, которые я употреблял, как стоило ей только услышать, как бы только ее слова, которые я произносив, и обрывать речь матери напоминала благоуханную лепестки.

В такие минуты она говорила мне:

— Мой дорогой сын, пусть тебе не обидит моя материнская брань. Даже в самые жесткие и усталые моменты, — это ругать из молока и меда, — мой родной язык больше правды смиривался в материнских словах, и глубоко осознавая всю мудрость и справедливость совета Рабиндраната Тагора.

Авторизованный перевод Б. ЭПЛЬФЕЛЬДА.

бывали и снова, как ни в чем не бывало, вместе мыли тазы, готовились выслушать детей. Приветствовали они друг друга громкими ругательствами и проклятиями, которые, казалось, еще более укрепляли их дружбу.

— Подица соды, ты ослиный выродок! — по обыкновению кричал шофер Банта своему другу.

— Я занят! мое колесо. Не видишь, что ли, собака отродель! — отвечал Шингара.

Несколько дней Шингара почувствовал себя в этой атмосфере, как дома. Он ловко водил машину, пролетая пулей по людному центральному улицам Кавьутты в лесу, откуда неслись проклятия пешеходов.

Это было в дни войны. Кавьутту наводили иностранные

солдаты, торговцы, подрывники и белые сабхи. Американские войска сорили деньги. Если считешь, что показались в Кавьутте, они давали на ней три. «Воняна — хорошая штука», — думал Шингара. — «Черт его знает, откуда берется столько сверхакших серебряных монет! Всюду деньги, деньги и деньги...»

Шингара очень любил хорошую одежду. Под этим он понимал цветной торбан с торчащим пером и расшитый узором деревенского фасона башмак с загнутой кверху носками.

Он считал, что торбан и пара башмаков способны превратить любого человека в джентльмена. Однако он сказал Банта:

— Черт возьми! Мои башмаки порвались! Нет! ли здесь где-нибудь приличного сапожника!

— А почему ты не купишь себе новые башмаки в английском магазине? Велюю тебе блеск и скрипит во время ходьбы!

— Не люблю я готовые, лучше заказать по размеру и на свой вкус.

— Хорошо, хорошо! Я своему тебе заведу в мастерскую Понкамба. Он отличный мастер.

Шингара скринул рот в презрительной улыбке:

— Эти башмаки не умеют шить хорошие башмаки. Единственное, на что они способны, — это приготовить рас-гулас-1. Нет ли здесь сапожника-пенджабца?

Бант громко расхохотался, его смех походил на рев осы.

— Пенджабцы, — сказал он, — либо водят тазы, либо продают кисное молоко, но только не сапожники. Разве ты не знаешь?

— Ну и что из этого следует? Шофер Банта немного задумался. Не найдя ответа, он раздраженно бросил:

— Я не знаю своих башмаками! Тебе не обидеть без них, что ли? Ты друг мне! Тогда подем.

— Нет. Все равно не поеду.

— А кто-то слезно соглашается Банта, — я пойду с тобой завтра на китайский базар. Китайцы — искусные сапожники, таких не найдешь во всей Индии.

На другой день Банта привел Шингара в лагу одного пенджабского китайца.

— Это и есть мастерская, где работает известный сапожник Ли Тинг, — сказал Банта.

— Иностранные китайцы работали в тесной и тускло освещенной мастерской. Они скоблили кожу, приклеивали и пришивали подошвы левыми, проворными руками. В воздухе стоял запах клея, прогорелый запах кожи, резины и клея.

Ли Тинг взглянул на двух здорых пенджабцев и спросил на ломаном киндустини:

— Это кто конет башмаки?

— Нет, два башмака, — ответил Шингара, но обязательно расшитые золотом и бирсом. Вот как эти! — И он пригнул ногу.

— Можешь ты шить мне парочку?

Шингара посмотрел на Ли Тинга, на его безволосое и безбровое лицо и спросил у Банта:

— Почему китайцы не носят бороды? Она не растет у них, что ли?

— Расгулас — восточное лакомство.

Шингара Сингх выпил стакан пенджабского ласси и, обращаясь к кондитеру, воскликнул:

— Какой напиток! Самое лучшее, что можно выпить с похмелья. Все мое тело изнывало от боли, но сейчас я здоров, как лошадь.

— Эй, так! — крикнула подошедший пассажир-бенгалец.

Шингара быстро обмлаз края стакана, вытер усы, бросил кондитеру шесть анна² и вскочил в машину.

— Куда вам, бабу?³ — спросил он.

— Та есст — кисное молоко с водой и сахаром.

² Анна — медная монета, одна шестидесяти индийской рупии.

³ В абу — посылать.

— А кто их знает! — пожал плечами Банта.

Шингара поглядел свою пишущую бороду.

— Не растёт борода... Странно! — удивился он. — Почему китайцы не исповедуют религию синхов?

— Да разве это возможно? Ну, и борода же ты! — возмутился Банта. — У синка должна быть борода... Ну, а теперь дай ему снять мерку и не задавай глупых вопросов.

Шингара поставил ногу на маленькую каменную плиту.

Ли Тингу не раз приходилось очерчивать ступни своими умелыми пальцами, и он сделал это в одно мгновение.

После того как мерка была снята, Шингара поинтересовался, когда будут готовы башмаки.

— Через пятнадцать дней.

— А сколько будет стоить?

— Двадцать рупий.

— Да.

Шингара решил посоветоваться с Банта.

— Наш Нелья, — сказал он, — за восемь рупий шьет превосходные башмаки с красивыми узорами и позолоченными украшениями. Я не знаю, какие башмаки делает китаец но он просит двадцать рупий.

Банта съязвил:

— Осел! Ты хочешь шикарный фасон и за ту же цену. Эх ты, слепой пелух, мечтающий о жирных червях!

Шингара виновато почесал затылок:

— Ну что ж, будь по-твоему.

Он дал Ли Тингу задаток в пять рупий и ушел с приятелем. Ли Тинг сшил прекрасную пару башмаков. Вышивка и прочая отделка, особенно загнутые вверх носки, получились намного лучше, чем у деревенского сапожника Нелья.

— Китаичи — изумительные мастера! — воскликнул Шингара —

Я прекращаю чувствовать себя в этих башмаках.

Дал — согласился Банта.

Шингара внимательно рассматривал блядские руки Ли Тинга, его узенькие глаза, маленький нос и голый подбородок.

— Сколько ему может быть лет? — обратился Шингара к Банта.

— Очень трудно определить возраст китайца, — ответил тот. — Крестьянин-синх в двадцать пять лет уже напоминает старого буйвола, а китаец и в пятьдесят кажется моложавым, как девушка.

— Говорят, что китайцы едят все, — продолжал Шингара, — даже жабрчик змеи, ярабов, лягушек.

— Да, все.

— Неужели?

— Да, даже лягушек, — подтвердил Банта. — Это потому, что все китайцы, вероятно, сапожники. В нашей деревне дубильщики кожи и сапожники как низшая каста едят то же самое.

Лягушек едят все китайцы, а потому они, должно быть, все сапожники — это твердо уверовал Шингара.

С тех пор шофер стал постоянным клиентом Ли Тинга. Он приходил к нему дважды в год. Их свидания были короткими и сурово деловыми: Шингара ставил ногу на каменную плиту, а Ли Тинг снимал мерку. Одним словом, руки китаичи прикасались только к ногам пенджабца.

Шли дни, недели, месяцы... Кончилась, наконец, война.

Большой прилив денег, переполнявших карманы людей, охотливым, подобно реке после наводнения. Цены на товары все еще были высоки, а стоимости провоза на такси упала. Пассажиры бесконечно торговались, прежде чем нанять машину.

Доход Шингара резко уменьшился. Он недоумевал: куда так быстро, словно поугай, улетели деньги? Беспокойная жизнь с ее изумительным режимом, нерваном возбуждении, выхлопы и взрывные игры, скудное питание и бессонные ночи окончательно подорвали здоровье Шингара. Его глаза валились. По утрам, вставая с постели, он чувствовал головноекружение и боль в суставах.

После раздела страны! улицы Калькутты наводнили беженцы.

1 В 1947 году Индия получила права доминиона, и в то же время ее территория была разделена на Индию (Хиндустан) и Пакистан по религиозному принципу. (Прим. переводчика.)

Рисунок А. Лурье.

В тот день все пассажиры только и говорили об этой индийской астрочке.

Вечером пенджабцы устроили на площади митинг.

Большинство приезжавших до этого иностранных политичеких деятелей были белыми солдатами, и люди встречали их протестами, несли черные флаги и кричали: — Убирайтесь вон!

Но Чжоу был совсем не похож на них. Какая сердечная встреча! Каков бурное проявление радости и любви! Шингара удалялся, находясь в ликующей толпе. Он никогда не видел, чтобы народ так безмерно радовался приезду иностранца.

Пришедший из Пенджаба певец с жесткой черной бородой плавал:

Встретились руки в крепком пожатии
Желтых и морщинчатых братьев!
Древняя башня Гатгайской стоны
К седьм Гималаям

Или:
Язы-Цюм дружной попой.

Воды всплывают — и брызны
Слизывают с водгам Ганга-реки.

Две нации встретились, для народа,
И в крепком пожатии —

Чжоу и Неру, Дельта — Пенсия.

Песня плыла в воздухе, наполняя сердца людей теплом, радостным чувством. На митинге перед Шингарой как бы раскрылся новый, невиданный доселе мир. Многое ему стало понятней и ближе. Люди резного цвета кожи встречали друг друга как братьев. Что объединяло их? Какая чудодейственная сила!

Шингара вспомнил, как восемнадцать лет назад, когда он только что поселился в Калькутте, в Индию приехал Чан Кай-ши — лысый человек в длинном черном одеянии. Никто и внимания не обратил

Люди гудели, как встревоженный рог мух. Куда ни посмотришь, — голодные взгляды, изурнанные тела, высокие лица... Скрытое пламя негодования, клочкавшее в жилах Калькутты, порой вырывалось наружу. Одна за другой вспыхивали забастовки почтовых работников, трамвайчиков, рабочих джутовых фабрик и даже учителей. Пульс Калькутты бился в такт событиям, разыгравшимся в мире. На стянках такси часто возникали споры, вызванные эти м событиями.

—Однажды утром, протирая ветровое стекло машины, Шингара услышал громкие возгласы, увидел толпы народа с флагами и транспарантами.

— Что это? — остановил он первого попавшегося прохожего.

— Как! Неужели ты не знаешь! — изумился прохожий. — Чжоу Эн-лай встретится с Неру!

— А кто он такой, Китай? —

— Один из вождей китайского народа!

Веста о прибытии в Дели Чжоу Эн-лая быстро облетела всю страну. Калькутта, центр политической жизни Бенгалии, бурлила, как расквашенная лава. Митинги. Процессии. В воздухе, не смолкая, гремели призывы: «Индийцы и китаичи — братья навечно», «Да здравствует Чжоу и Неру!»

Газеты и журналы пестрели фотографиями, на которых были запечатлены Чжоу и Неру, пожимающие друг другу руки. Шингара вырезал одну такую фотографию и приклеил ее на переднее стекло такси.

на него. Калькута не заметила его.

А вот Чжоу Эни-ляо радовался весь город!

— На другой день Шингара пошел в Ли Тингу. Башмаки уже были готовы.

— Надюсь, они нравятся тебе? — спросил Ли Тинг.

Шингара взглянул на новую пару. Ли Тингу башмаки откинулись от преники: Ли Тинг добавил к старому пару несколько алых звездочек с чудесным китайским рисунком.

— Меня нравятся! — воскликнул шофер, продолжая внимательно рассматривать башмаки.

— Это мой подарок тебе, — сказал китаец.

— Подарок! — Шингара чуть не задыхнулся от неожиданной радости.

— Да, я уезжаю на родину.

— В Китай?

— Да.

Глаза Ли Тинга сияли, а на губах играла радостная улыбка.

— Я долго ждал того дня, когда смогу вернуться на родину... Пожалуйста, возьми эти башмаки... на память.

Шингара поблагодарил Ли Тинга, взял башмаки и надел их.

— Там ты тоже будешь сапожником?

— Нет. Там у меня теперь есть земля. Лет двадцать назад помещик заперил намертво моего отца и забрал нашу землю. Мы с матерью однажды ночью бежали, но мать не вынесла лишней и умерла в пути. Я приехал сюда и научился своему ремеслу. С тех пор живу здесь.

Наступила небольшая пауза.

— После революции, — продолжал рассказывать Ли Тинг, — помещики, разоряемые за счет миллионов крестьян, были изгнаны. Их земли передали крестьянам. Я возвращаюсь обратно. Там и для меня хватит и земли и работы. Я люблю свою родину.

Шингара посмотрел на сияющее лицо Ли Тинга и спросил:

— Когда ты уезжаешь?

— Сегодня.

— Во сколько отплавает корабль?

— В шесть вечера.

— У меня тоже небольшая прощба.

— Какая?

— Я хочу проводить тебя... Подем в моем такси.

— Ну что ты! Не беспокойся...

— Нет, нет! Дастся мне удовольствие. Это будет мой подарок тебе. Где ты отправляешь его на парод? Там ждет меня мой двоюродный брат.

— Идем! — настаивал Шингара. Ли колебался. Но Шингара просил его так искренне и горнчо, что тот в конце концов согласился.

Когда Ли Тинг шел в такси, Шингара спросил его:

— Подем прямо на пристань или, если есть время, прокатимся немножко?

— Как хочешь, друг, — сказал Ли Тинг.

Шингара поехал через Чоранги¹ по запруженным народом улицам, мимо шумных базаров. Чауда-

¹ Чоранги — торговый центр Калькутты.

майдан², фешенебельные магазины в центре города, высокие дома, уличные фонари, переполненные автобусы — все стремительно проносилось мимо. Они ехали молча, не обменявшись ни одним словом, только раз или два по-смотрели друг на друга и улыбнулись. Улыбались также Чжоу и Неру с фотографией на ветровом стекле такси.

Был уже вечер, когда они при-

ехали на пристань. Огромный пароход ждал пассажиров. Его трубы выбрасывали клубы густого черного дыма. Шингара вышел из такси, а вслед за ним Ли Тинг. Оба молча смотрели друг на друга.

Шофер не знал, что сказать. Он был глубоко потрясен. В глазах Ли он видел тот же блеск, что и в глазах Чжоу на фотографии. Шингара сиял рюк Ли. Это было долгое рукопожатие.

Сотни образов мелькали перед смелым взглядом Шингара. Кид-
² Чаудамайдан — парк в Калькутте.

тайский сапожник едет на родину... А когда же он, Шингара, вернется в свой родной Пенджаб! На чужбине такие люди, как он и Ли, должны работать, сближаться между собой. Они отгораживаются родного языка, от родных песен, от родной культуры. Они несутся в круговороте жизни, подобно щепкам в бурном потоке...

В тускло освещенной Калькутте, где даже голубые небо едва заметно, лицо Шинга безобразно человеческим горем.

В бездумном промышленном городе эскадрильеры, толпы пивных, высказывали на Шингара все соки. Воспоминания о прошлом, о родной деревне, где он жил мальчуганом, вернулись к нему...

Его старая мать... Его братья... Его невестка... Плодородная коричневая земля... Поля... Ветер, колеблющий золотистую пшеницу... Мать, напевавшая ему колыбельную песенку о прекрасной невесте... Белые волны с лозанивающимися колокольчиками на шее... Заветные думы о золотой сохе... Шингара пришел в Калькутту в поисках этой призрачной сохи. Но где же она! Где! Только в его мечтах... Мог ли он надеяться найти такое благодатное место, где крестьяне имеют собственную землю, а шоферы — собственные такси! Если он и дальше будет вести такую жизнь, пьянство и бессмысленно растрачивая свои силы, то его сердце зачерствеет, его мозг отупеет, и он не сможет найти счастье.

— Спустился вечер. Солнце садилось где-то по ту сторону реки за вершинами деревьев. Небосвод окрасился в пурпурный цвет.

Шингара и Ли стояли долго, не произнося ни слова. Они все крепче и крепче сжимали друг друга руки. Их ладони передавали чувства, волновавшие в эту минуту обоих друзей. Две тени вытянулись в длинные линии.

Шингара до сегодняшнего дня был уверен, что лишь вино способно горячить его кровь. Но сейчас рукопожатие китаец влило совершенно новую теплоту в его сердце, новое зомление, которое он никогда не испытывал раньше.

Перевел А. МАМОНОВ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Повесть о будущих офицерах

ши, которым тогда будет по восемнадцати лет, могли спокойно жить и учиться дальше, не думая о войне.

Но недолго стать офицером Советской Армии. Автор книги нашел интересные детали, показывающие, как курсанты почувствовали это уже в первые дни службы, как они все больше убеждают в том, что ешечты превратятся в жизнь тяжелым, упорным трудом.

Во все годы повести идут к цели одинаковым путем.

Быстро свывается со строгим воинским порядком и добросовестно выполняет распоряжения начальников Владимир Хабаров, рассказ о котором поставлен в центр повествования. Воспитатель советской школы, комсомолец, остро переживает каждую, даже, на первый взгляд, незначительную неудачу. Владимир прилагает все

усилия к тому, чтобы добиться отличных результатов в учебе и службе. Этому способствует его активное участие в комсомольской работе, внимание к нему со стороны офицеров, комсоставов училища. Первая любовь Владимира к девушке раскрывает новые, благородные черты юноши: преданность другу, скромность, честность.

Как по характеру, так и по отношению к службе отягачает его от Хабарова его друг Юрий Русаков. Это энергичный, горячий парень, у которого все в жизни складывалось легко и ясно. Но ему приходится выдержать немало серьезных испытаний, прежде чем стать хорошим курсантом.

Нামного бледнее, чем Хабаров в Русаков, получился образ друга курсантов. Так, например, в характеристике интересно задуманного персонажа — курсанта

Стрельцова — излагает определенности, четкости. Но же самое можно сказать и о Сабурове, который слишком уж быстро превращается в примерного курсанта.

В книге есть убедительные эпизоды, характеризующие офицеров как отличных воспитателей.

Особенно запоминается командир старший лейтенант Антонов, человек, «который раньше родился в военной форме». Другие командиры показаны слабее, а в ряде случаев — схематично.

«Курсанты» — первая книга Ю. Проявкина. В ней молодой писатель, сам в недавнем прошлом курсант военного училища, попытался художественно осмыслить и обобщить свои наблюдения. В известной мере это ему удалось. Однако чувствуется недостаток опыта, того мастерства, которое приходит с годами.

Хочется пожелать автору более глубокого изучения жизни, повышения литературного мастерства.

Подполковник
В. ЗМИТЕНКО

Баскетбол на снегу

Все лето, до глубокой осени, студенты горного института имени И. В. Сталина играли в баскетбол на спортивных площадках под открытым небом. Когда снег одел стадион в большой зимний наряд, баскетболистам пришлось перенести тренировки в большой спортивный зал.

Но даже этот огромный зал не вмещал всех желающих заниматься спортом. Здесь занимались гимнасты, боксеры, штангисты, борцы. Времени для тренировок выделялось немного. Вот тогда баскетболисты и заговорили с тем, не перенести ли игры опять под открытое небо, на свежий морозный воздух, на снег.

Большинству баскетболистов понравилась эта идея. Однако некоторые считали ее несуществующей. Где это видано — играть на снегу! Не будет ли точных передач, но высокого темпа, который так присущ баскетболу. Чего доброго, можно обморозиться, простать. Да и вообще дело это новое, похмелье, лучше пока воздержаться. Дровами сивитной были легко разбиты. А как же играть на льду конькобежцы? Почему у них нет обмороженных? Все зиму на открытой площадке тренируются лыжники, и никто из них еще не простудился. Было решено попробовать поиграть на открытой площадке.

В один из ближайших воскресных дней на заснеженной площадке большой площадки появились студенты института. Только на этот раз, прежде, чем начать встречу, игроки вооружились деревянными лопатами. Не прошло и пятнадцати минут, как баскетбольная площадка была очищена от сугробов.

Фото Л. Вородулина.

Однако игра началась не сразу. Судья Николай Сининов выстроил команды и стал объяснять баскетболистам особенности игры на снежном поле. Площадка выглядит необычно. Под снегом не видно четких линий, будет сложно определять зоны. Мяч станет скользким и тяжелым, а значит, изменится отскок мяча.

— Все это необходимо учесть в игре, — говорит Сининов. Сегодня Николай Сининов не только судья, но и тренер. Он учится в Государственном центральном институте Физической культуры имени И. В. Сталина. У горняков Николай проходит практику, и ему как опытному спортсмену и будущему педагогу поручили провести эту не совсем обычную встречу по баскетболу.

Снежный мяч и снежное поле внесли в игру много неожиданного и комичного. По мягкой, покрытой снегом площадке бегать оказалось гораздо труднее, а мяч почему-то не всегда летел в том, кому он был адресован. Часто бывало так, что игроки, забыв особенности снежного поля, осыпались в таком же полновисии, как Вячеслав Лавриненко и Олег Масинков. Вы видите на снимке, что, даже упав, они ведут упорную борьбу за мяч.

Но неудач были лишь в первые минуты. Очень скоро баскетболисты освоились, и темп игры сразу усилился, передачи стали точнее. Надо было видеть, как огорчились игроки, когда свисток судьи возвестил об окончании встречи.

Первыми встретились команды строительного и горного факультетов. Победил горняк. Это не удивительно, ибо в их составе выступает несколько баскетболистов из сборной команды института. Затем на гале вышли более молодые игроки — первокурсники. Над ними царствует сильнейший волейболист и баскетболист института Эдуард Францан. Вы видите, с каким вниманием слушают они объяснение тренера. Баскетболисты постараются не повторить ошибок предыдущих команд. А через несколько минут над снежной площадкой снова взлетает мяч. Хорошо поиграть в баскетбол на свежем воздухе!

Рисунки А. Паунова.

К. ГАНЕШИН

АВАРИЯ

Полуторка мчалась по проселочной дороге, подпрыгивая на ухабах. Впереди показались сваленные по обочинам кучи торфа. Машина остановилась. Двое мужчин в вагах стегалих лаво спрыгнули на асфальт.

— Еще при рейсе успеем сделать, — сказала одна из них, берясь за лопату.

Но тут дверца кабины проткрылась, и выгнулся шофер.

— Подожидте нагрузить! — грубо крикнул он.

Машина качнулась, изпод колес полесела грязь.

— Куда ты? Сашка Куда? — закричала девушка.

Через полчаса мимо девушки промчалась груженая порфом полуторка. Рядом с шофером сидела незнакомая женщина в белом платке.

Вечерело, но полуторка не возвращалась. Когда уже почти стемнело, девушка подошла одна из машин той же МТС.

Выслушав их сбивчивый рассказ, шофер сказал:

— Вот тебе и Сашка Воронке! Бросил работу, уехал куда-то по своим делам... Где совесть у человека?!

***

В прошлом году в Остерскую МТС поступил новый шофер. Поначалу ему дали старую полуторку.

Спортить он не стал и сразу принялся за ремонт. Целые дни возился повозок с машиной, сам разбирая узлы, сам ходил в мастерскую ремонтировать детали.

Это был Саша Воронке.

Вскоре он пришел к секретарю комсомольской организации МТС Анатолию Ливочко.

Тот достал тетрадь учета членов ВЛКСМ, задал шоферу несколько вопросов, затем, отложив в сторону ручку, взглянул на стоявшего перед ним работника.

— Как идет ремонт? — спросил секретарь.

Воронке, раставив слова, ответил:

— Все до самой рамы разобрал. Не хочется опять идти заниматься, когда едешь вату...!

На этом разговор и окончился. Машина была отремонтирована, Сашу все дни провозили в райзедлах. По вечерам Анатолий Ливочко видел, как новый шофер возит вездю своей машины, но ни разу

не подошел к Воронке, не поинтересовался его жизнью, работой.

Перед очередным комсомольским собранием секретарь узнал от заведующего гаражом, что Воронке поучина временно за безаарийную работу. Записав это в специальной тетради, где отмечал, как работают комсомольцы, он решил похвалить Воронку на собрании.

Но Воронке на собрание не пришел.

Секретарь, только что вышедший Сашу во дворе МТС, попросил человека комитета шофера Владимира Галь позвать его.

Секретарь уже начал докладывать Галь вернулся. Он был один.

Машину и застрявшему делу готовит, порамыи хочет выскать, — паротно громко сказал Галь. — Говорит, что за собрание ему сверхурочные не платят.

Комсомольцы зашумели. Анатолий поднял руку.

— Тише! Разберемся потом, — и продолжал докладывать.

Однако ни в этот вечер, ни на другой день Анатолий так и не разобрался, а потом и вовсе забал об этом случае. Нового правдога вызвать Сашу для разговора не было: на него никто не жаловался.

Как-то в субботу Воронке отвалил трактористов на выходной день домой.

И хотя до деревни было всего семидесяти километров, Саша вернулся в гараж только на следующий день. Встретив Воронку, секретарь спросил, почему так затянулся рейс.

— Дорога плохая, замос, — ответил Саша. — Пришлось ночевать в пути...!

Воронке действительно ночевал в деревне, однако о том, что там произошло, ни никому не рассказывал.

А произошло следующее.

В воскресенье утро, когда Воронке вышел в Остер, в кузове его машины сидело человек восемь с мешками, корзинами, бочками.

У рынка они постучали в крышку кабины. Саша нажал на тормоза. Первым спрыгнул на асфальт один из мужчин в тулупе. Он протянул шоферу предубавую бумажку, а вслед за ним достали деньги и остальные. Саша сперва был смущался: вроде и не за что получить деньги. Правда, он подвез

этик людей, но ведь они помогли вытаскивать машину из сугробов.

— Беря, что ли? — нетерпеливо сказал мужчина в тулупе.

Саша взял деньги и терпеливо слуал их в карман. Ему казалось, что в кармане лежат не деньги, а бумажники, котелье скорее отделялись от этой пакости. Он остановился у дверей кабины и после короткого раздумья вошел в нее.

Вскоре перед Сашей уже стоял опорожненный стапак.

На другой день Сашу не оставило тревожное чувство вины.

«Пойти к секретарю, что ли, и обо всем рассказать?» — думал он.

Но время шло, и молодой шофер все больше убеждался в том,

которому нужно было остаться в городе, иапутьствовал шофера:

— Быстрее поезжай! в МТС ждут детали.

Воронке, недоуменно глумурив бровями, есел в кабину. Полуторков на равные не оказалось. Случай сработался соврался. Но на перекрестке машину остановил небритый человек.

— Подожми груз. Налезо за углом возьмем.

Воронке, вселелась, представив себе, как его товарищи в МТС ждут детали, которые он везет, но человек многозначительно добавил:

— Не!

Вот за спасибо прошу.

И Воронке согласился.

Через несколько минут начали грузить какие-то тяжелые токи.

Шофер с тревогой наблюдал, как оседают рессоры...

Только утром, обогая лесарей и трактористов, отправляющихся на работу, Воронке лицо подкатили из своей полуторки к воротам МТС.

Уже все грузики выхлалли а рейс, а Воронке все еще колесил возле машины: менад подшипника, свечи. Подошел механик, напомнил шоферу, что в бригадах ждут детали.

— День и ночь ездить! — сердито прорывал шофер. — Не разорвать же мне на части...!

Как только механик ушел, Воронке ловило потугу, асфальт. Но адрт его лицо снова приняло озлобленное выражение: он увидел в дверях мастерской секретаря комсомольцев Анатолия Ливочко.

Однако сюда благополучно, оправдываясь не пришлось: Ливочко и на этот раз не подошел к Воронке, не поинтересовался, где он провалялся, почему произошла поломка.

***

После этого Воронке еще несколько раз не приезжал на ночь в гараж. Но терпеть уже завидя Ливочко, он не терпелся.

Однажды секретарь комитета неожиданно вызвал к себе Воронку.

— Придется тебе поработать в воскресенье: надо свезти экскурсию в Киев, — сказал Ливочко.

Воронке, испугуящее, как на пассажира, остановившего его на перекрестке, взглянул на Анатолия и спросил:

— Оплатят?

— Обязательно.

В Киев Воронке ехал без особого желания, но на обратном пути заметил оживление: он посадил в машину несколько человек; экскурсантам пришлось потоситись.

В Остер прибыли поздно вечером.

А ты куда? — спросил кто-то из ребят шофера.

— В одно место надо...!

Машина ушла.

Воронке поехал на пристав, где худые сумки был открыт буфет.

Возвращаясь в гараж, он въехал на протур и ударил машину об угол дома. Житые, разбуржающие шумом, выскочили из машины.

В МТС позвонили из милиции...

Обо всем этом секретарю комитета ВЛКСМ извонилио рассказывал Владимир Галь. Секретарь отложил в сторону детали, а ремонт которой был принят, и с озабоченным, бледным лицом взглянул на мастерскую. Мимо него, громкая, промчалась полуторка Воронки. Секретарь с недоумением посмотрел на Владимира.

— Машина-то целая? А я думаю, настоящая авария.

— Целая, целая, — согласился Владимир. — Сейчас ее в автоти-

что никто и не подозревает о его поступке, не собирается возить его. А зарабатывать лишние деньги было заманчиво.

Теперь, высаживая пассажиров, Воронке ревниво следил, чтобы каждый уплатил ему. Маршруты у него стали делиться на выгодные и невыгодные.

Тракторы двигались в польные стапы. Крутом или разговору о себе, горючем, запасных частях, а Воронке все думал о спосе.

Однажды его послали в Чернигов за запяными частями для тракторов. В Чернигове он пробыл до вечера. — Представитель МТС,

специю довел. Только вот а гараже давно погараживают, что Воробек к вину пристрастился, зарываюк на стороне. Проверить это все надо.

Секретари сосредоточенно молчали. Не о судьбе молодого шофера думал он, а о том, как хлопотно будет собирать факты для последнего дела Борюшка: ведь в конторе их не возьмешь. Он достал тетрадь, где на одной из страничек была сделана запись о промаринованности Ворюшка последним делом, сделала пометку, что Ворюшка вызывался в автоинспекцию. Хлопнул по тетради ладонью, повернулся к Владимиру:

— Вот и все в порядке... — Но события развивались не так, как думал Анатолий Ливочко. Он только еще собрался поставить Ворюшка как топ-поведенца на собрании вопрос о поведении серьезный проступок. Ворюшка пошутил возить торф в МТС, а он, оставив девушку-грузчик посреди дороги, повез торф какой-то женщине, с которой договорился заранее... Секретарь узнал об этом, придя утром на работу.

— Слышал? Ворюшка валору уходить... — сказал ему заведующий гаражом.

— Что, опять авария? — С человеком авария...

Анатолий поспешил в гараж. У потороха Ворюшка хлопотно уже другой шофер. Ворюшка Анатолий нашел во дворе.

Он сидел на старой покрывше и безучастно наблюдал за тем, как двое товарищей готовят к рекусу свою машину.

— Как же это ты? — спросил секретарь. — Ведь ты же комсомолец.

Но Ворюшка ничего не ответил. Он повернулся и зашатал прочь, глубоко засунув руки в карманы, но привычке напугавшая сокмалышка.

Возвращаясь к себе, секретарь машинально достал тетрадь, но не знал, что записать в нее. На этот раз привычные слова не подходили.

«Ведь рядом работали... — думал Ливочко, — а он оказался старожелезом. Как упустил человека?»

Секретарь передвигался тетрадь. Но ответа на свой вопрос так и не находил.

С Фенечкой Гагаровой и познавательным прошлым летом на пляже в Химках. Она гресивоходила плаванья, любила футбол и полюбила с дуэнтатами. В веселых компаниях Фенечка была неотделима на футболном остуствии. В том же институте по очереди выполнялись в нее и скарпированно дошли четушки для ее зачетов. Какими улыбайми оживляла она своих приятельниц.

Нет, а не ревновала. Ница отношения были гораздо возвышенней.

Обычно секретарю мучушки... — признался она мне вчера... — Симфонию, сонаты... — передвигался тетрадь. — дала — это музыка толстая.

И тогда институт зима, мы с Фенечкой пошли на концерт в Большой зал Консерватории. Пробояв программу, она, улыбаясь, сказала:

— Ах, Рихтер! Он очаровательнейший музыкант. А как мило он кивает...

Когда мы входили в зал, Феня то и дело шептала:

— Вот Феня, он только что пришел из Ленинграда... А там, видишь, лауреат, это комсомолец... А это жена известного артиста... Обернись незаметно: сидит очень покойно на Дрезденском концерте, а ее глаза так и искривляются, меня это умилило. И когда Феня не могла идти в «Визит герцога Чайковского», а Фенечка ушла прощаться: «Наша же, она, относится к это и павантцу, Тинину или Вергоуину сидеть рядом ладно. Да и кому же было мне это знать? Я наслед-

АНТОН ФОМИЧ РАЗГНЕВАН

Фельетон

Весенним утром, как-то раз, В великолепном настроении Антон Фомин в обычный час К себе приехал в учреждение.

Бурча на свой особый лад Какой-то валес из оперетты, Он, между прочим, бросил взгляд На новый номер стеногазеты.

«Кого пробрали тут опять? — Поадуалом он и стал читать».

Он ни упрека, ни похвалы Не ожидал ни от кого. И вдруг — стихи:

«Отстал...» «С учебой плохо...» «И это про него!

— Да он же у меня курьезной Молокосос!»

— Нет, как он смел... Антон Фомин стал

бледносерым, Потом опять побеговером.

— Мальчишка! Без согласования! Клеймит!

Меня! За отставанье...

Я не сухарь. В зазорной шутке

Всегда я пользу нахожу. Порой в свободные минутки

Читаю даже «Крокодила».

Я за сатиру! Это сила! Нам очень нужен острый смех,

Но разве так уж нужно было Меня разделять под орек!

Ведь я... я все-таки начальство! Авторитет, пусть не для всех...

Тут не сатира — зубоскальство! Тут низкопробный, пошлый смех!

Не может быть... Все потенцило В глазах Антона Фомича. Сперва он стал бежать мела, Потом красное кумача.

Он прображал стихи вторично. Ну да!

Над ним смеются Лично! Открыто! Без обиняков!

Кто автор! Странно... Гребешков!

Борис РЯБИКИН

МЕТЕЛЬ

Рассказ

дальс музыкой и любовалась своей спутницею. Феня была очаровательна и в платье со шпурками и металлическими бубенчиками. Бубенчики казались золотыми, Феня была золотой, длинные волнистые ресницы укрывали ее синие глаза, а маленькая рожица опустила в него что-нибудь вусушенное.

Лучше Феня не было и только в этом зале, не только в институте, но и во всем мире. Я представлял себя счастливойшим человеком, несведоветелем и покорителем горных вершин, бестрашным следопытом, а рядом со мной всегда она — вдохновительница и помощница — Феня.

В Фибете, поглаживая лощеную шарнир мороженого, Феня задумчиво промолвила:

— А знаешь, когда он играл, я представляла себе заснеженные или слышала скрип полярных, завывание выюги...

«Но ведь, вылетает, Рихтер шптал «Песня вневременная» и «Варшавский», — мелькнуло у меня в голове, а

Феня, отодвинув блюдце, продолжала: — Ох, мне даже хорошо стало от такой музыки... Подем домой!

— А как же второе отделение? — Пустяки, посмотрим по телевиору.

Большими хлопьями падал снег. Когда мы проходили площадь, завылавлено, Феня плакуче затанцевала, как мотылек, как филианок на тыlose слаломе.

— Ты любишь лыжи? — крикнул я снова свист ветра.

— Но до становни машина было далеко, чем до дому. Мимо проехал похоловший на больший уют синегоцветитель. Я уже хотел вынуться к нему и попросить воякового подвезти.

Восторну. Метель усиливалась, наветорну нам то и дело подблывались ковшки и дугишки с лещинами и лыжами. Распугав воробьины, они подставляли отбуржу-ветру веселые румяные лица. Мне захотелось петь, и я, крепко держа под руку свою

Да, Гоголи и Шедрины Нам, разумеется, нужны. Но Гоголя создал Кавказова А этот наш молососик? Что гениального такого Он написат?

«Кляксы!» «Нос!»

Стань Гребиводевым, — ставь новым Островерком или Салтыковым. Кто ж будет кланяться не рад? Тебя тогда принесем все мы,

Но ты тогда пиши поэмы И посылай в Гослитиздат.

А если хочешь быть по главному Без оснований лезешь. То принеси сначала справку, Что ты действительно Шедрин.

Да, Гребешков не Гоголь. Верно. И не Шедрин, не тот же скверно. Но вот зато Антон Фомин Его не трудно нам постичь.

В нем сочетание духа фигур. Перелепился в его обличье И салтыковский помладру И гоголевский гордокрылий.

Рисунки Е. Водерникова.

спутницею, попыталась взглянуть ей в лицо, но Феня шла, наклонив голову вперед, лавиною.

— Фенечка, что с тобой? Она отыграла Лидо. Но ее мирным начался смех, смех оставила темные волосы. Это только красна с ресница. Действительно моей подруги потугонено, и она показавала мне похоловший на пинуюду выю.

— Это ты нарочно так сказал, чтобы похолость надру мной. Зной, протывали.

У парадного Феня выплывала свою руту, выбежала на лестницу, но отыкала на нее «до свидания, Фенечка».

Большое мне не встречались, хотя я звалов ей по телефону, писал письма. Я искренно жалел, что не мог отыграть снег, как отыграть дельте опытный фектовальщик, отыграв восточном наладку паломнику изшло над своей спутницею.

Прощаясь, она, черемука, наступило лето. Как-то на стадионе «Динамо» в разгар июльвальной кубовой встречи я Уильшал сидел себе громкий шенот.

— Вот сын Обухаха, он только что приехал из-за границы. «Ох, Смитри, по-моему, Кадочников».

Когда я обернулся, Феня, посправляв отпущенные очки с тонкими стеклами, сделала вид, что не узнала меня.

Может быть, это поменяется странником, но с недавних пор не все время года мне больше всего нравится зима, друзья, зима, и особенно, если с хорошей метелью.

ЭТО ИДЕТ МОЛОДЕЖЬ!

Слова М. МАТУСОВСКОГО.

Музыка И. ДУНАЕВСКОГО.

Текст доброго мурзаса.

Видишь ты на камнях, ни ста, ни ул, риней дам, да бы нахотел на де, ни, ты
нам по просторам родным. Вьется все дальше и дальше до ру, ни, на за собою же, вет и не, веть, быть мо, ло, деть.

а, то зна, чит вьесе стремимся вперед, же, на е, спашо, ш над ру, да, на е, см, — тут, па
вет, рин шу, вет и мо, ло, вет, се, рень. Скажи но до, ро, г есть на, на, шей, план.

— не, ты, — ты все их узна, — все и все их пройдешь. Кто там шагает на раннем рассвете?

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

Видишь, в степи за холмами
Стелется утренний дымок!
Любо шагать на рассвете
Нам по просторам родным.
Вьется все дальше и дальше
дорога,
Нас за собою зовет и зовет...
Быть молодым — это значит
Вечно стремиться вперед.

Припев:
Ясное солнце над Родиной светит,
Под ветром шумит и колыхается
Сколько дорог есть на нашей
планете, —
Ты все их узнаешь и все их
пройдешь,
Кто там шагает на раннем
рассвете?
Это идет молодежь!

Мы еще с вами сумеем
Песню сложить не одну,
Землю украсит садиком,
Плугом поднять целину,
Взвыть высоту, мы упорно стремимся
К новым высотам опять и опять...
Быть молодым — это значит
Смело мечтать и создавать.

Припев.
Каждый из нас пред Отчизной
Сердцем поклонится бы мог:
Жизни мы легкой не ищем,
Главнее не любим даром,
Все, о чем люди веками мечтали,
Нам судьяно ныне совершить,
Быть молодым — это значит
Родику верно любить.

Припев.

Цена номера
2 руб.

